

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

У вендетты
длинные руки

Марина С. Серова
У вендетты длинные руки
Серия «Мисс Робин Гуд»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=333652
У вендетты длинные руки: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42661-4

Аннотация

К Полине Казаковой, известной в городе как Мисс Робин Гуд, обращается Надежда Виноградова. Она убеждена: ее мужа – актера местного театра – убили пригласившие его в качестве Деда Мороза супруги Дьяченко. И те же люди вынудили пойти на самоубийство брата мужа. Полина берется установить истину. Озадачивает ее только мотив господ Дьяченко. Какой интерес подвергать себя опасности, отправляя на тот свет двух скромных, ничем не примечательных братьев Виноградовых? Месть? Любовь? А может быть, деньги?!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	46
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Марина Серова

У вендетты длинные руки

Глава 1

Март в этом году пришел вместе с ярким солнышком и капелью; снег сразу стал бежевым и рыхлым. Весна оказалась ранней, снежинки еще плавно кружились в воздухе, но уже не блестели и не искрились на солнце. Небо ослепительно засинело, в воздухе запахло свежестью. Великолепная зимняя сказка кончилась. Приближалась веселая шумная весна.

Я стояла у окна своей комнаты, не в силах оторваться от вида пейзажа за стеклом, когда телефон напомнил мне, что в этом мире существует не только возвышенная красота природы, но и наши приземленные заботы и дела. Я взяла трубку.

– Алло?

– Это Полина? Мне нужна Казакова Полина...

– Да, это я. Слушаю вас.

– Здравствуйте. Меня зовут Надя. Надежда Виноградова.

Я обращаюсь к вам по рекомендации наших общих знакомых...

Женщина назвала фамилию моих давних друзей, которым я когда-то помогла решить их непростую житейскую проблему.

му.

– Знаю таких.

Звонившая как будто обрадовалась:

– Ну вот... Они сказали, что вы можете мне помочь... Это правда, Полина?

– На этот вопрос я отвечу вам, когда узнаю, что конкретно у вас случилось.

– У меня беда, Полина, поверьте, такая беда, какую и врагу не пожелаешь! Но по телефону как-то... Давайте встретимся. Например, в кафе. Вы сможете приехать... ну, скажем... в «Смарагд»?

Я знала это кафе. Хорошее, недорогое, в центре города, подъезд к нему удобен со всех сторон. К тому же я сегодня еще не завтракала. Так что причины для отказа у меня не было.

– Смогу. Через час вас устроит?

– Да, договорились. Через час я буду в «Смарагде». Чтобы вы меня узнали, я буду держать в руках газету «Программа ТВ».

Надежда отключилась. «Программа ТВ»! Ох уж мне эти шпионские штучки!

Я пошла собираться на встречу. Термометр за окном показывал всего минус три, так что можно было не кутаться. Надену, пожалуй, куртку и джинсы. К тому же я доберусь до кафе на своей машине. Это избавит меня от необходимости мерзнуть на остановке в ожидании маршрутки, но уве-

личит вероятность попадания в заторы. Я вышла из нашего коттеджа и села в свой «Мини Купер», послушно стоявший у крыльца. Пожалуй, на обратном пути надо будет заехать в супермаркет за продуктами, а то в нашем холодильнике мышке даже не на чем повеситься.

Кафе «Смарагд» встретило меня почти пустым залом. Удивляться не приходится: оно только что открылось, сегодня – рабочий день, все нормальные люди трудятся в офисах и магазинах. Когда-то к таким нормальным принадлежала и я. Моя карьера удачно началась на кирпичном заводе, на почетной должности юрисконсульта, но вскоре не менее удачно завершилась – по причине моего полного нежелания торчать в кабинете с восьми до пяти и подчиняться строгому, но недалекому начальству. Этому нежеланию немало способствовала и мизерная зарплата, почти не игравшая роли в нашем семейном бюджете.

Итак, в самом начале двенадцатого я вошла в зал кафе и увидела в зале только парочку совсем юных влюбленных, забившихся в самый дальний угол, и молодую женщину лет двадцати шести или чуть больше, сидевшую за столиком напротив входа и нервно теребившую газету «Программа ТВ». Если бы я задержалась минут на двадцать, она истрепала бы ее вконец. Увидев меня, женщина вперилась в мое лицо таким взглядом, что я едва не смутилась. Подойдя к обладательнице «Программы», я сказала:

– Вы, кажется, ждете меня? Я – Полина.

Надежда обрадовалась, кивнула и тут же предложила пересесть за столик подальше от входа, что мы незамедлительно и сделали. Пока я снимала куртку и вешала ее на спинку своего стула, Надежда успела заказать подошедшей официантке две чашки кофе, бутерброды и круассаны.

Я села за стол и внимательно посмотрела на девушку. У нее была довольно приятная наружность. Чуть полновата, что, впрочем, не портило ее. Брюнетка, но не жгучая, со светло-кариими глазами и вздернутым носиком. Кудрявые непослушные волосы падали на ее плечи, Надя их постоянно поправляла, откидывала назад, но они тут же вновь падали ей на щеки.

– Меня зовут Надежда Виноградова, – зачем-то напомнила девушка. – Вам эта фамилия ни о чем не говорит?

Я попыталась понять, какие ассоциации вызывает у меня фамилия Виноградова, но, кроме мысли о кистях зеленых прозрачных сочных ягод, плотно прилепившихся друг к другу, на ум мне ничего не приходило. Надежда посмотрела на меня немного удивленно.

– Значит, вы не театралка, – вздохнула она.

И тут до меня дошло. Кажется, я видела эту фамилию на театральных афишах. Ну да, конечно! «...Премьера сезона!.. В. Виноградов – в роли того-то...». У нас в городке был свой маленький театр со своей маленькой труппой. Но я действительно не была поклонницей Мельпомены и потому посещала это заведение крайне редко.

– Кажется, припоминаю... Такую фамилию я видела на афишах...

Надежда вздохнула еще раз и с грустью взглянула на меня.

– Да, Валентин был артистом нашего театра. Хорошим артистом...

Она достала платочек из кармана и промокнула повлажневшие глаза. Я отпила глоток кофе, принесенного нам официанткой. Уже половина двенадцатого, а я еще не завтракала.

– Вы ешьте, если хотите, – Надежда пододвинула мне тарелку с бутербродами и круассанами, – а у меня что-то аппетита нет.

– Валентин, как я понимаю, – это...

– Мой муж. Был моим мужем. Он умер этой зимой, в самый канун Нового года.

– Какой ужас! – вырвалось у меня.

Я представила праздничную атмосферу, которая царит во всех домах перед Новым годом, украшенную елку, стол, заставленный тарелками с салатами и разнообразными деликатесами, запахи хвои и мандаринов... и гроб, в котором лежит умерший, по всей видимости, совсем молодой человек.

– И, по-видимому, умер он не от какой-то болезни? – уточнила я.

Надежда кивнула, снова промокнула глаза.

– Его убили. Хотя это не доказано. Но я точно знаю: его убили! Жестоко, страшно... Эти сволочи... они долж-

ны быть наказаны! Полина, умоляю: помогите мне покарать этих нелюдей!

Она почти кричала. Проходившая мимо официантка посмотрела на нас с испугом.

– Надежда, пожалуйста, тише. Я понимаю, что у вас горе...

– Понимаете?! Разве вы можете понимать? У вас когда-нибудь убивали дорогого вам человека?

Я на секунду застыла, но тут же взяла себя в руки. Что я могла ответить женщине, еще не оправившейся от горя? Что четырнадцать лет тому назад на моих глазах погибли мои родители по вине пьяного прокурора? Что он летел с бешеной скоростью на своей иномарке и врезался в машину, в которой они сидели, медленно выезжая из нашего двора на дорогу? Я стояла в нескольких метрах и видела все. Удар, скрежет металла, машина родителей отлетела в сторону и загорелась...

– Убивали. Моих маму и папу. На моих глазах. Этого достаточно?!

Надежда посмотрела на меня смущенно:

– Извините, Полина, я не знала...

Она, кажется, немного успокоилась, убрала платочек обратно в карман. Тут внезапная догадка озарила ее.

– Полина, так это вы... Мисс Робин Гуд?! Я слышала эту историю. Прокурор... Убийство семейной пары... Потом, спустя много лет, с этим прокурором случилось что-то та-

кое... Он, кажется, чуть не сгорел в своем доме. И сыновья его предали. А сам он попал в психушку, ведь так?

Надежда пытливо смотрела мне в лицо. Да, вопреки всем моим стараниям сохранить все в тайне эта история ходила по городу. Люди догадывались, что возмездие настигло прокурора-убийцу не только по воле Провидения. Я многозначительно промолчала.

– Расскажите по порядку, – попросила я, – мне надо знать все подробно, я должна понять, кто и за что убил вашего мужа.

Женщина кивнула, взяла наконец в руки чашку, сделала несколько глотков кофе и поставила ее на стол.

– Валентин, как я сказала, работал в нашем гуровском театре. Артистом. Он был очень талантлив, поверьте, он играл такие роли!.. Например, Дон Кихота, а еще князя Мышкина в «Идиоте»... А еще Бальзамина... – Надежда осеклась. – Впрочем, какое это теперь имеет значение? А под Новый год он устроился подработать в одну фирму, которая занимается проведением праздников, банкетов и всего такого... Он уже не первый год с ними сотрудничал, и всегда все было хорошо. Валентин приходил в детские сады или в школы на елки и утренники. А еще в семьи, даже в офисы, на корпоративные гулянки, – и всегда все были довольны. Он мог поздравить весело, с шуткой, с анекдотом. Только пить отказывался. Любил работать трезвым, качественно. А то у них в фир-

ме были такие Деда Морозы, которых потом приходилось из-под стола доставать и по домам, как мешки с картошкой, отвозить.

– Значит, не первый год он так подрабатывал?

– Четвертый. И, представьте, никто не догадывался, что Дед Мороз – молодой! Валентин был высокий, а говорить мог басом и ходить степенно, вразвалочку, как старый дед. Так что...

– Ну, и что же случилось?

– В тот день он пришел в одну семью, по заказу, как обычно. Там компания собралась. Люди, видимо, не бедные. Детей-то там не было, а Деда Мороза они пригласили. Сейчас это модно. Как говорится, у богатых свои причуды.

– А Снегурочка тоже была?

– Нет, вот Снегурочки не было. Видите ли, Полина, без нее – дешевле. И некоторые приглашают только Деда Мороза. Но бывают и такие, что приглашают только Снегурочку. Двум-то артистам в два раза больше платить надо. Та семья сделала заказ на одного Деда Мороза. Валентин пришел... Это уже почти в восемь вечера случилось, и это был почти последний его визит. Оставалась еще одна семья, и он отправился бы домой. Он позвонил мне перед этим и сказал: сейчас, мол, еще два адреса отработаю – и еду. Мы его к девяти часам ждали, ну, максимум к половине десятого. Я просила Валю не брать много адресов. Хочется ведь и дома всей семьей посидеть, встретить праздник по-человечески...

– А вы, Надежда, не работаете?

– Нет. Я сейчас дома сижу, с маленьким ребенком. В тот день я часа в четыре начала стол готовить. Мама с Илюшкой занималась, потом, когда уложила его, помогла мне салаты нарезать. В девять ровно все было готово. Мы за стол не сели, ждали Валентина. Десять часов – его нет. Одиннадцать... Мама нервничать начала, я сама еле себя сдерживала. Позвонила ему на сотовый, но ответа не дождалась. В начале двенадцатого папа предложил начать отмечать, сказал – Валентин, мол, вот-вот подойдет, и тогда уже отметим все вместе. Но время шло, а его все не было...

Без пяти двенадцать мы послушали речь президента, открыли шампанское. Мама еще успела поворчать, поругать зятя: какой он, мол, непунктуальный! И вообще, это очень некрасиво: семья его ждет, а он...

Выпили шампанское, я снова стала звонить. У меня уже тогда сердце заныло, я чувствовала, что с Валентином что-то случилось. Не мог он не прийти на семейный праздник, он знал, что его ждали... В половине первого родители легли спать. У отца инсульт недавно был, он не может долго бодрствовать. А я все звонила и звонила...

Утром с сотового мужа позвонили уже мне. Сказали, чтобы я приехала в городскую больницу. Я долго не могла туда добраться, маршруток не было, даже такси невозможно было поймать. А когда приехала, узнала такое, что у меня в глазах потемнело и ноги подкосились...

– Ваш муж умер? Они сказали вам это?

– Да. Оказывается, его привезли еще накануне, около девяти вечера. Взрывом петарды ему разорвало живот. По дороге в больницу он скончался в машине «Скорой помощи»...

Надежда не выдержала и все-таки заплакала. Народ к этому времени стал понемногу подтягиваться, и в кафе мы были уже далеко не одни. Пробегавшая мимо официантка снова посмотрела на нас настороженно. Чтобы не смущать ее, я заказала себе еще чашку капучино.

– Да, это очень страшная смерть. Надежда, примите мои соболезнования.

Она только рукой махнула. Но потом нашла в себе силы, вытерла глаза и допила свой остывший кофе, похоже, даже не заметив этого.

– Получается, мы его ругали, а он в это время уже лежал в больничном морге, – женщина горько усмехнулась и всхлипнула.

– Надежда, но я-то чем могу помочь вам? Я так понимаю, что здесь имел место несчастный случай?

– Вот и следователь так сказал. Следов насилия на теле мужа нет, следовательно, никто его не заставлял брать и зажигать эту петарду. Он, мол, сам ее зажег, а она оказалась «левой», и вот результат. Только это не совсем так. Видите ли, Полина, давно, когда Валентин и его младший брат Валерий были еще мальчишками, вот так же под Новый год Вале-

ра зажигал петарду. Вся эта взрывотехника тогда еще только появилась в продаже. Была она поддельной или китайской, или просто мальчишки неправильно что-то там сделали, – я точно не знаю, но одна разорвалась в его руках. Валерке оторвало пальцы: три полностью, два по две фаланги. Мальчику тогда было девять лет, моему Валентину – одиннадцать. Все произошло у него на глазах, он и сам получил ожоги, правда, незначительные по сравнению с Валериными. Родителей в это время не было дома. И вот представьте такую картину: два пацана, такие, в сущности, еще маленькие, у одного оторваны пальцы, вся ладонь разворочена, в крови, он орет нечеловеческим голосом, второй от страха забился в угол и не знает, что делать, оба на грани обморока, а на полу – кровь, много крови... Хорошо, что соседи заподозрили что-то неладное и вызвали милицию, а уже она – «Скорую». Мой Валентин с тех пор панически боялся всей этой взрывотехники. Даже будучи взрослым, он не только сам не брал ее в руки – не мог даже *видеть*, как это делают другие. Самое большее, на что он был способен – держать зажженный бенгальский огонь.

– То есть вы хотите сказать, что ваш муж не сам зажигал ту петарду?

– Конечно! Я и следовательно это говорила. А он уперся – нет доказательств. А раз их нет, то и дела никакого вроде бы нет. Несчастный случай. А то, что случилось двадцать лет тому назад, – об этом, мол, даже и вспоминать нечего.

– А может, ваш муж выпил и осмелел настолько, что все-таки рискнул? Действительно, столько лет прошло! Все забылось... Да и потом, ему наверняка было неудобно перед другими: взрослый мужчина – и боится какой-то петарды!

– Нет, Полина, нет и еще раз нет! Я-то своего мужа знаю, как-никак шесть лет мы знакомы и три года женаты. Никогда Валентин не брал в руки ничего из взрывотехники. А если кто-то рядом начинал что-то зажигать или взрывать, он просто уходил. И Валерка, брат его, тоже боялся. Он часто бывал у нас дома...

– Почему бывал? Теперь, когда Валентина нет, он к вам больше не приходит?

– Так я вам еще не все рассказала. Дело в том, что на днях Валерий умер.

– Как?! И он?!

Я не поверила своим ушам.

– Вот! Я вижу, и вам, Полина, это кажется подозрительным.

– Надеюсь, он-то не зажигал петарду?

– Нет, но смерть его все равно какая-то очень странная. Дело в том, что у Валерия вдруг обнаружили рак крови. Он был в шоке, да и мы тоже. Молодой здоровый парень, разумеется, если не считать изувеченной руки. Но он со своим увечьем научился жить, даже стал программистом. Работал в одной фирме. Платили, правда, не ахти сколько, но ему на жизнь хватало. У него даже девушки не было, он боялся с

ними знакомиться. Считал, что, как только они увидят его обезображенную руку, – убегут от него без оглядки. И совершенно напрасно он так думал, между прочим! Да, рука у него была изувечена, он ее всегда в кармане держал, и только когда на компьютере работал...

– Так он двумя руками работал? – перебила ее я.

– Да. У него сохранилась первая фаланга указательного пальца и большого. Вот ими он и стучал по клавиатуре. И прекрасно у него все получалось! Он все научился делать левой рукой: и писать, и ложку держать. Он даже готовил себе сам, ведь после нашей свадьбы Валентин ушел жить ко мне. А раньше он жил с братом. Если бы Валерий рискнул познакомиться с девушкой!.. И голова у него была светлая, и характер – золотой.

– Надежда, так что с ним случилось?

– А, да! Он повесился.

– Как?!

– Представьте себе. Ужас! Молодой, ему ведь тридцати еще не было... Но он всегда был натурой впечатлительной. Все принимал близко к сердцу. Как он расстроился, когда узнал, что Валентин умер! Полина, вы не представляете! Плакал навзрыд, бил кулаком в стену... Мы с мамой его еле успокоили...

– С его мамой?

– С моей. С его матерью... имеются некоторые сложности, но я вам потом об этом расскажу. Так вот. Валерий очень

переживал известие о своем страшном диагнозе. Он почти перестал есть, сразу похудел и осунулся, под глазами появились синие круги. По-моему, он и спал очень плохо. А мне он сразу сказал: «Я не смогу умирать долго и мучительно. Лучше уж сразу и быстро...» Мне потом врач сказала, что он был психически неуравновешенным.

– Да... Печально. Два брата за два месяца.

– Чуть больше двух. Но это неважно. Теперь, Полина, вы согласны, что все это не было случайностью?

– Так вы считаете, что смерть вашего мужа подстроили те люди, к которым он пришел по вызову?

– Я уверена в этом! И не только из-за страха Валентина перед взрывотехникой. Смотрите, вот вы, чужой человек, узнав о моем горе, что сделали? Посочувствовали мне! Правда, ведь?

– Разумеется! А как же иначе?

– А иначе – так: люди, в чьем доме с моим мужем случилось несчастье, не только не выразили мне сочувствия, когда мы встретились у следователя, – они демонстрировали мне свое равнодушие, иногда даже улыбались, о чем-то болтали между собой, делая вид, что вообще не замечают меня! Хотя следователь сказал им, *кто я такая*. Ну и как? Скажете, это – нормальная реакция?

– Увы!

– Вот! И я о том же. Я была просто шокирована их поведением. А когда я, выйдя от следователя, попыталась по-

говорить с ними, расспросить, они не стали со мной разговаривать. Демонстративно отвернулись, задрали носы и пошли себе! Я тогда разозлилась и сказала, что найму частного сыщика и все разузнаю сама, без всякого следователя, но выведу их на чистую воду. Знаете, что они мне ответили? Стали угрожать. Представляете? Мне – угрожать! Это уму непостижимо! Нелюди! Твари! Я больше чем уверена, что это они его убили, они! Они все подстроили! Не знаю, как, но подстроили. Их надо наказать, обязательно надо!

Надежда снова забылась и заговорила громко и гневно.

Я невольно поискала глазами официантку. Нет, пожалуй, отсюда нам пора выбираться.

– Надежда, давайте продолжим наш разговор в моей машине. Она стоит здесь, возле кафе.

Женщина встала, автоматически достала из кошелька деньги, бросила их на стол и стала одеваться. Через минуту мы вышли из кафе, к величайшей радости официантки, проводившей нас вздохом облегчения. Должно быть, мы ее все-таки напрягали.

Мы сели в мою машину.

– Надежда, а кто эти люди? В доме у которых все произошло. Что вы о них знаете?

– Супруги Дьяченко. Мужа зовут Анатолий, отчества не помню. Жена – Алена... то ли Дмитриевна, то ли... нет, тоже не помню. У них свой небольшой магазинчик камней: драгоценных и полудрагоценных. На улице Юннатов.

– «Каменный цветок»?

– Я точно не знаю, этого мне следователь не сказал.

– Надежда, как, по-вашему, за что они могли убить Валентина? Он был их знакомым?

– Нет, вряд ли. Всех друзей и приятелей Валентина я за шесть лет узнала. Этих среди них не было.

– Тогда за что? Ведь не просто же так, ради праздника? Должен быть мотив.

– Понятия не имею! Меня и следователь об этом спрашивал, а я говорила, что это *его* работа – выяснить, за что убили мужа. Но он не стал этого делать. Сказал, что здесь явно – несчастный случай. А у него и без этого дел хватает.

– А как именно они вам угрожали? Что конкретно говорили?

– Да просто! Сказали, что мне лучше обо всем забыть, а то мало ли... Сосульки, мол, с крыш падают, людей прямо на улице убивают... А у меня ребенок, мне надо о нем подумать. А то он может круглым сиротой остаться...

– Да-а... Впечатляет!

Мы немного помолчали. Я обдумывала все услышанное, а Надежда, приложив ладони к лицу, тихо раскачивалась взад-вперед.

– А как вы считаете – как они могли это сделать?

Девушка встрепенулась.

– Что? А-а... Ума не приложу! Но можно, например, внезапно дать человеку в руки что-то, что он возьмет машиналь-

но... А может, его даже заставили? Мы ведь не знаем подробностей, а следовательно...

– Ну, с ним все понятно. Зачем ему лишняя головная боль? Значит, так, Надежда...

– Можно просто Надя. И на «ты».

– Это даже лучше, многое упрощает.

– Полина, так вы... ты берешься?

– Скорее всего. Но сначала мне надо кое-что проверить по своим каналам.

– Пожалуйста, Полина, проверяй побыстрее! Этих уродов надо скорее наказать! Я тебя умоляю, заклинаю: помоги мне покарать их! Я тебя отблагодарю.

– Э нет! Надежда, запомни одно: месть – это блюдо, которое подают холодным. Я своего часа ждала четырнадцать лет.

– Как – четырнадцать?! – Девушка посмотрела на меня широко раскрытыми глазами: – Полина, я так долго ждать не смогу! Я столько не выдержу! Я...

– Давай поступим так... Поскольку мне предстоит кое-что выяснить, на это потребуется время. Обмениваемся телефонами, адресами, и ты ждешь моего звонка.

– И что мне пока делать?

– Ничего. Занимайся с ребенком, гуляйте побольше. Видишь, какая погода хорошая? Почти весенняя.

– А как же насчет мести этим... Дьяченко?

– Я тебе позвоню. Пока обещать могу только одно: тебе

ждать четырнадцать лет не придется.

Я ехала домой и вспоминала себя – как я ждала своего часа. Много лет тому назад, когда случилась та трагедия с моими родителями, я плохо понимала, что произошло. Следователь взял у меня показания, но они даже не попали в дело. Мне, четырнадцатилетней девчонке, никто не верил. Я пыталась рассказать правду, но никто не стал меня слушать. А потом нам в окно подбросили обгоревшую куклу, и дедушка, единственный оставшийся у меня родной человек, запретил мне вообще говорить на эту тему где бы то ни было. Теперь я понимаю, как он боялся за меня. Виновником происшествия признали моего папу. В его крови якобы нашли алкоголь. К тому же водитель иномарки и пассажир утверждали, что он ехал на запрещающий знак светофора на большой скорости.

Нам с дедом так и не удалось доказать, что у папы была язва, обострившаяся на тот момент, и что он не пил вообще. Дело замяли, но нам, как наследникам виновников происшествия, пришлось выплатить прокурору за ремонт его автомобиля. Мы продали квартиру, расплатились с убийцей, а оставшуюся сумму и все накопления дед вложил в акции одной из самых прибыльных российских компаний. Позже они стали приносить нам неплохие дивиденды, и я даже могла позволить себе бросить работу.

По дороге домой я заехала в супермаркет, который был

практически единственным магазином в нашем коттеджном поселке. Обязанности по закупке продуктов в моей маленькой семье лежали на мне, и я периодически посещала его. Навалив в тележку побольше полуфабрикатов, которые занимали основное место в нашем с дедом меню, я направилась к кассе.

Вдруг я услышала знакомый голос и, повернув голову, увидела свою подругу, Алину Нечаеву. Алина всегда была очень деятельной особой. Постоянно записывалась во всякие движения и общественные организации, стояла в пикетах и вообще была полной противоположностью мне с моей любовью к покою. Мама Алины несколько лет тому назад вышла замуж за итальянца и уехала на родину мужа. Время от времени она присылала дочери денежные переводы, благодаря чему моя подруга могла жить, не работая. Следует также добавить, что периодически в жизни Алины возникали молодые люди, которым она позволяла оказывать ей материальную поддержку.

Интересно, что привело Нечаеву в наш супермаркет, ведь живет она довольно далеко отсюда? Может, она направляется ко мне в гости, а по дороге решила прикупить чего-нибудь к чаю?

Я со своей тележкой подъехала совсем близко к Алине. Она стояла рядом с какой-то продавщицей и расспрашивала ее о работе магазина:

– Так вы говорите, что ваша зарплата зависит от количе-

ства рабочих дней? И сколько таких дней в месяце?

– По-разному. Иногда мы работаем сутки через двое, иногда сутки через сутки, если людей не хватает.

– Как?! Но это же очень тяжело! Сутки работаешь, сутки спишь. Потом опять на работу... Когда же личную жизнь вести?

– Если вы приходите работать в магазин, о личной жизни можете забыть, – безапелляционно заявила продавщица, – на это времени практически не останется.

– Да-а? – с сомнением в голосе протянула Алина. – Понятно. Спасибо за информацию, я подумаю.

Нечаева направилась к выходу. Я догнала ее.

– Привет, подруга! О чем это ты собираешься подумать?

– Ой, Полина! Привет. Да вот, хотела устроиться на работу в ваш супермаркет, а тут, оказывается, такие ужасные условия, просто рабские!

– Ты – на работу?! Что могло случиться такого из ряда вон выходящего, что вдруг заставило тебя искать работу?

– Что случилось... Мама перестала присылать деньги! Говорит, у них там кризис, маленький магазинчик ее мужа почти не приносит доходов.

– А этот твой последний бойфренд... Паша, кажется?

– Он оказался таким уродом! Ты не представляешь! Хотел, чтобы я не только пошла работать, но еще чтобы готовила ему обед, стирала одежду и убиралась дома. Разумеется, мы расстались!

– Да, я тебя понимаю.

– Ну, работать-то, похоже, мне все равно где-то придется, а вот насчет всего остального...

Мы подошли к кассе, я расплатилась за продукты, и мы, выйдя из магазина, сели в мою машину.

– Ну, что? Едем ко мне?

– А Аристарх Владиленович дома? – уточнила Алина.

– С каких пор тебя это стало волновать?

– Просто я подумала: у твоего дедушки столько знакомых, может, он устроит меня куда-нибудь?

– Алин, только без обиды! Как ты собираешься работать, ты ведь ничего не умеешь делать?

– И не собираюсь! Я хочу устроиться в такое место, чтобы делать особо ничего не надо было, а деньги при этом получать.

– М-м... Где бы ни работать, лишь бы не работать? Боюсь, таких вакансий в городе найдется немного.

– Думаю, что их уже нет совсем...

– Так у тебя тоже полгорода знакомых. Почему ты не устроишься через них?

– Вот как раз они-то и заняли все теплые места.

Глава 2

Ариша был дома. Ариша – это мой дед, Аристарх Владимович Казаков, папа моего папы. Когда погибли мои родители, он взял заботу обо мне на себя, отдал меня в престижную школу с углубленным изучением иностранных языков, потом, когда я поступила в институт на только что открывшееся юридическое отделение, оплачивал мою учебу.

– Дедуль, а я с гостями!

– *Ce tres bien!* (Это очень хорошо.) О! Алина! *Bonjour!* Вы сразу пойдете наверх или попьете чай в кухне?

– Попьем. Ты завтракал?

– Да, Полетт, не волнуйся, я позавтракал и сейчас в своей комнате пытаюсь узнать, что еще плохого произошло в этом мире за прошедшие сутки. Другими словами, читаю прессу.

– Хорошо, дедуль. Если захочешь чаю, спускайся к нам.

Я заварила чай, положила печенье в вазочку, поставила на стол баночку с джемом. Потом приготовила тосты и порезала тонким слоем сыр. Алина наблюдала за моими действиями с пугающим вниманием.

– Слушай, Полин, – вдруг сказала она, – а ведь ты очень плохо ведешь домашнее хозяйство. Готовишь только полуфабрикаты, убираешься редко – вон, какая пыль повсюду. Может, возьмешь меня к себе домработницей?

Я едва не поперхнулась чаем.

– А что, правда? Платить ты мне будешь немного, я согласна... тысяч на десять. Спрашивать с меня строго не станешь: мы же подруги, а я буду у вас убираться... скажем, два раза в неделю. Зато могу готовить хоть каждый день. И в магазин ездить – тоже.

– А как же твои пикеты в протест наркотикам, всякие общества по защите африканских кенгуру и курсы аргентинского языка?

Алина сморщила носик и сузила свои голубые глаза:

– Мне сейчас не до них. Надо что-то решать с работой. Это, конечно, временная мера, но в данный момент просто необходимая. Так что, берешь меня?

Обижать подругу мне страшно не хотелось, но и взять ее на работу к себе в дом я не могла. Во-первых, у нас с дедом не было лишних денег. Во-вторых, убиралась Алина ничуть не лучше, чем я. Я часто бывала у нее дома и имела представление о чистоте и порядке в квартире. Зачем же платить за редкие некачественные уборки, которые с таким же успехом могу делать и я, притом совершенно бесплатно? В-третьих, выносить Алину ежедневно в своем доме я вряд ли смогу. Друзья тем и хороши, что появляются в нашей жизни лишь иногда.

Всего этого я, разумеется, Нечаевой не сказала, но обещала что-нибудь для нее придумать. Обнадеженная мною подруга вскоре уехала, а я, быстро прибравшись на кухне, поднялась к себе в комнату.

Мне надо было позвонить хорошему знакомому нашей семье, другу моего отца, полковнику ФСБ Курбатову Сергею Дмитриевичу, или просто дяде Сереже. Я часто пользовалась его связями и через него наводила справки о нужных мне людях. Тогда, четырнадцать лет тому назад, когда погибли мои родители, дяди Сережи не было в городе. Он находился в длительной командировке далеко от нашего Горовска. Когда он вернулся и все узнал, то возобновил было это дело, но дед попросил его оставить все как есть. Родителей моих все равно не воскресить, а деду хотелось вырастить внучку, то есть меня, живой и здоровой.

Итак, я набрала номер Сергея Дмитриевича и услышала его голос:

– Слушаю.

– Дядя Сережа, это Полина, здравствуйте!

– Здравствуй, здравствуй, Поляночка. Рад тебя слышать.

Надеюсь, у вас с Аристархом Владиленовичем все в порядке?

– Да, спасибо, у нас все хорошо. Дедушка передает вам привет. А у меня лично к вам просьба. Дядя Сережа, можете?

– Все, что в моих силах.

– Мне нужны кое-какие сведения о супругах Дьяченко. Его зовут Анатолий, ее – Алена. Отчества мне неизвестны. Предположительно, имеют свой маленький магазинчик на улице Юннатов. Вот и все, что я знаю о них.

– А какие еще сведения тебе нужны?

– Все, что только можно нарыть.

– И, если не секрет, для чего?

– Два с небольшим месяца тому назад в их доме трагически погиб человек. У него в руках разорвалась петарда, разорвав ему стенку живота. Человек умер по дороге в больницу.

– Ты подозреваешь хозяев в его смерти? Скорее это похоже на несчастный случай.

– Есть некоторые обстоятельства...

– ...позволяющие сомневаться в случайности произошедшего?

– Вдова уверяет, что погибший никогда не брал взрывотехнику в руки – боялся. Его брат, еще мальчиком, остался инвалидом при подобном случае.

– Похоже, мисс Робин Гуд начала новое дело?

– Так ведь скучно сидеть без дела, дядя Сережа! А так – помогу вдове. Она осталась с маленьким ребенком на руках и престарелыми родителями.

– Следовательно, конечно, не нашел в происшествии состава преступления?

– Разумеется. Несчастный случай.

– Чего проще! И дело можно закрывать.

– Но это еще не все. На днях родной брат погибшего, узнав, что он болен раком, покончил жизнь самоубийством. Повесился.

– Да, вот это уже более чем подозрительно. Два брата за два месяца!

– Я думаю так же. Парня зовут Виноградов Валерий. Это тот самый мальчик, которому в детстве оторвало пальцы.

– Виноградов? Знакомая фамилия. Но с чем она связана – не помню...

– Сразу видно, дядя Сережа, что вы – не театрал. Виноградов Валентин – артист нашего местного театра. Именно он погиб от взрыва петарды. А Валерий – его младший брат.

– Вон оно что! Хорошо, Полина, я постараюсь побыстрее добыть о них сведения. Ну, удачи тебе, мисс Робин Гуд!

– И вам, дядя Сережа.

Я положила трубку. Так. Сергея Дмитриевича я озадачила, сейчас он сделает запрос на всех участников этой трагедии, а мне пока предстоит, не теряя времени, разузнать все, что в моих силах. И начну я, пожалуй, с деда.

Я пошла в его комнату. В нашем прекрасном доме – большом и красивом – было несколько комнат. Три гостиных – в стиле кантри, хай-тек и рококо. В одной из них был камин, а в кухне – настоящая русская печь. Я нашла Аришу, как я любовно называла деда, дремлющим в кресле перед телевизором. По нему шел старый, советских времен фильм о доблестной милиции, о том, как один из ее сотрудников самоотверженно ловит преступников, рискуя жизнью, и отстаивает свои убеждения, рискуя партбилетом. Я решила не будить деда. Наверняка он вчера пришел очень поздно, проторчав полночи в своем казино. Ариша был непревзойденным карточным игроком и благодаря этому имел в городе обширные

знакомства.

Я повернулась и уже собралась тихонько выйти из комнаты, как услышала голос деда:

– Полетт, пусть тебя не смущает мое дремотное состояние. Если у тебя ко мне дело – я готов тебя выслушать.

Я села на диван напротив деда. Он смотрел на меня, прищурившись, своими добрыми глазами. Он всегда понимал меня. С ним можно было поговорить о чем угодно. И тот факт, что я не все рассказывала деду, говорит не о моем недоверии ему, а о моем нежелании расстраивать его лишним раз.

– Дед, кажется, у меня новое дело.

– Поздравляю. Кто на этот раз?

– Убит артист нашего горовского театра. Предположительно, убит, предстоит еще все проверить. Фамилия – Виноградов.

– Валентин Виноградов? Я читал об этом в газете, была небольшая заметка. Там говорилось, что произошел несчастный случай, прямо под самый Новый год. Кажется, у него в руках разорвалась петарда, «Скорая» его не довезла до больницы.

– Дедуль, у тебя удивительная память! А самого Виноградова ты знал?

– Разумеется! Я видел его в некоторых спектаклях.

– Когда ты успеваешь еще и по театрам ходить? – удивилась я.

– Когда ты, бросив меня одного, убегаешь робингудить. Что мне, старику, тогда делать? Вот я и хожу иногда в театр, а еще на выставки и концерты.

– Ну, раз ты у нас такой театрал, поклонник искусства и вообще светский лев, скажи: этот Виноградов действительно был хороший артист? Что ты о нем знаешь?

– О нем я знаю как раз немного. Кое-что читал в газетах... Артист он действительно был неплохой. В последний раз я его видел в декабре, в спектакле «Дон Кихот». Трогательно играл. Мне понравилось. Говорят, он женился на гримерше театра. У них, кажется, и ребенок есть...

– Кажется... А никаких скандалов в театре не было за последний год? Могли у Виноградова быть враги? Может, ему отдали чью-то роль или он какую-нибудь артистку попытался соблазнить у себя в гримерной?

– Нет, ничего такого я не слышал, но мыслишь ты правильно. Обязательно надо проверить его театральные связи. Вообще, насколько я знаю, в театрах всегда существует некая закулисная возня... Артисты – такой народ, что постоянно кто-то кем-то недоволен, кто-то кого-то подсиживает или подзуживает. Одним словом, творческие люди!

– Дедуль, как я все это проверю? Явлюсь в театр и спрошу у первого встречного о Виноградове? Кто со мной будет разговаривать?

– Зачем же первого встречного? Разве я тебе не сказал? Их главный режиссер – мой знакомый, Коноплев Викентий

Самуилович. Объяснишь ему, что от меня, он с тобой побеседует и все расскажет о своей театральной братии. Хочешь, я ему прямо сейчас и позвоню?

Мы с дедом прошли в одну из наших гостиных, дед нашел в своем блокноте номер телефона театра и поднял трубку:

– Викентий Самуилович? Здравствуй, дорогой! Как твои творческие успехи?.. Понятно. А на личном фронте?..

Я стояла и слушала, как дед беседовал с главрежем. Очевидно, тому было что рассказать Арише, потому что дед сидел у аппарата довольно долго и только кивал головой да восклицал иногда:

– О!.. Да ну?.. Ого!.. Ну, надо же!.. Ай-ай-ай! Скажите на милость!..

Я терпеливо ждала. Наконец Викентий Самуилович изложил деду, похоже, все свои новости на его личном фронте за последние десять лет, потому что дед произнес долгожданную для меня фразу:

– А у меня, любезнейший, к тебе просьба...

Через полчаса я подъезжала к зданию театра на Театральной улице. Оно было новым, построенным относительно недавно. Большие стеклянные окна, поднимающиеся вверх от самого цоколя, просторное фойе. Уборщица, драившая полы, посмотрела на меня недовольно и строго спросила:

– Вам кого, гражданка?

Наверное, раньше она работала в милиции. Я объяснила,

кто мне нужен, и женщина показала мне, где найти главрежа. Я тихонько зашла в зрительный зал. Там царил темнота, только сцена была ярко освещена. Шла репетиция. По сцене бегали какие-то люди, в одном из первых рядов в качестве зрителей сидели три человека. Я тихонько опустилась на крайнее место в предпоследнем ряду и стала наблюдать за актерами на сцене. Мне еще ни разу не доводилось присутствовать на репетиции, и я хотела посмотреть.

На сцене между тем разгорались нешуточные страсти. Одна дамочка кричала, простирая руки к какому-то пожилому мужчине:

– Отец! Пропал мой перстень, тот, что ты подарил мне на шестнадцатилетие. Мой первый перстень! – Она зарыдала.

Другой мужчина, молодой, тоже закричал, выбегая вперед:

– Я знаю, кто его похитил! Я его найду! Отец, позволь мне привести его сюда. Накажем вора!

Молодой убежал. Женщина истошно крикнула ему вслед:

– Только не убивай его, Антонио!

Тогда пожилой кивнул головой и закричал:

– Я сам его убью, Розалия! – и достал кинжал.

Женщина бросилась к пожилому и повисла у него на руках:

– Нет, нет, отец! Он невиновен. Обыщите чемодан служанки. А если вы убьете Марио, тогда убейте и меня!

В это время какой-то господин, сидевший вместе с двумя

другими мужчинами в зрительном зале, вскочил и, хлопнув несколько раз в ладоши, закричал:

– Стоп! Стоп! Наташа! Ты опять путаешь текст! Не чемодан, а сундук! Это же семнадцатый век. И потом, ты опять слишком быстро подскочила к отцу! На тебе же будет пышное длинное платье, не забывай. Ты должна подойти к нему более плавно, как настоящая синьора!

С этими словами мужчина выскочил на сцену, подбежал к пожилому, остановился в трех шагах от него, потом плавно, грациозно приблизившись к нему, повис на его шее. Тот, в свою очередь, обнял подошедшего за голову и склонил ее на свою грудь. Освободившись из его объятий, мужчина из зала напал теперь и на пожилого:

– А вы, Петр Антонович, должны были кивнуть *до того*, как Антонио убежал! Вы – отец, кивнув, вы даете свое согласие привести сюда вора. А вы когда кивнули?

– Когда? – удивился пожилой.

– Да уже после того, как ваш сын убежал! – закипятился мужчина. – Кому вы даете согласие привести вора, если вашего сына уже нет?

– В каком смысле – нет?

– Нет – в смысле, рядом с вами! Убежал он, понимаете? Кивать надо *до того*, как Антонио рванет за воров! – Мужчина достал платок из кармана и стал вытирать им лоб. – Давайте сделаем перерыв на полчаса, а потом прогоним эту сцену еще раз. А ты, Наталья, в перерыве повтори текст.

Спектакль на носу, а ты до сих пор слова путаешь!

Актеры начали расходиться. Мужчина сбежал по ступенькам и направился к выходу из зала. Тут я и перехватила его:

– Извините, мне нужен Викентий Самуилович...

– Я – Викентий Самуилович. А вы, простите, кто?

– Я внучка Аристарха Владиленовича. Он вам звонил...

– А! Да! Как же, помню. У меня есть полчаса. Кофе не хотите?

Мы с главрежем прошли в театральный буфет и сели за отдельный столик. Взяли по чашке кофе и по пирожному. Викентий Самуилович был человеком лет шестидесяти, невысоким, плотным, лысоватым. Он посмотрел на меня добрыми карими глазами и спросил:

– Так о чем вы хотели поговорить со мной?

– Викентий Самуилович, я хотела расспросить вас о недавно умершем артисте вашего театра, Виноградове.

– Да, да, такая потеря для театра! Такой артист! Такой человек! Ах, какая потеря! Какое несчастье!

Когда восклицания и ахи закончились, я спросила главрежа, как он мог бы охарактеризовать Виноградова.

– Как человека или как артиста? – уточнил он.

– Как человека.

Викентий Самуилович горестно покачал головой:

– О Валентине я могу сказать только хорошее, только хорошее! Он был порядочным человеком. На репетиции никогда не опаздывал, даже больной приходил, чтобы товари-

щей не подводить. Дружил он с Федором Мыльниковым. Не конфликтовал практически ни с кем и никогда. Знаете, артисты – они такой народ... Очень ранимый, чуть что не так – обижаются. Одним словом, творческие люди! – повторил он слова моего деда. – А Валентин умел вести себя так, что и сам никого не обижал, но и на шутки коллег тоже не обижался. А шутки у нас иной раз бывают недобрые...

– Ему никто... не завидовал?

– Вообще-то, если честно, завидовали. У Валентина ведь были все ведущие роли! А что? Он – высокий, видный. Колоритная фигура, я бы сказал. Вот Дедом Морозом его с удовольствием брали, да и у нас на елке тоже он дедморозил. С тех пор как артист Ермолаев на пенсию ушел – лучшего Деда Мороза, чем Валентин, найти было трудно.

– А вот я слышала, что Виноградов боялся всякой взрывотехники?

– Это да. Не то чтобы боялся, но как-то... опасался, что ли. Во всяком случае, не любил ее, это точно. Когда мы всем коллективом Новый год отмечали, у нас тоже всякая такая фигня была: фейерверки, петарды... Помню, кто-то из ребят Валентину пытался одну такую штуку дать, на, мол, пальни! Тот не взял, просто тихо отошел в сторону.

– Почему он так опасался взрывотехники, не знаете?

– Слышал, что что-то там с его братом в детстве произошло из-за такой вот штуковины. Руку, кажется, ему обожгло.

– Оторвало пальцы, – подсказала я, – причем на глазах у

Валентина.

– Ой-ой-ой... Какая неприятность! Так вот почему он опасался! Теперь понятно.

– Викентий Самуилович, больше вы мне ничего не можете о Валентине рассказать?

– Да, наверное, нет. Жалко хорошего человека – что тут еще скажешь?! – Главный горько усмехнулся: – Теперь у меня Дон Кихота играть некому. Одни недомерки остались! Филиппыч уже старый... Да-а, как же мы без Ламанческого?!.. Полина, а, если не секрет, почему вы так Виноградовым интересуетесь? Вы случайно не частным сыщиком работаете?

– Случайно нет. Я – юрист. Ко мне обратилась вдова вашего артиста по вопросам наследства. Просто я хотела кое-что уточнить для себя.

– Понятно. Но больше мне вам рассказать нечего, извините. И, кстати, мой перерыв заканчивается...

Я поблагодарила главного режиссера и попрощалась.

– Полина, заглядывайте к нам иногда. У нас хороший репертуар, поверьте! Вот скоро мы будем ставить Занудковского, «Двое в доме». Это одна из современных пьес, лирическая комедия о любви двоих немолодых людей. Приходите, не пожалеете.

Я еще раз поблагодарила Викентия Самуиловича и вышла из театра.

По дороге домой я пыталась обдумать то, что услышала о Виноградове. Хороший человек, хороший артист – ну и что? И за что же супруги Дьяченко могли желать ему смерти? Может, он им подарки не вручил или выпить с ними отказался? А ведь там были не только пригласившие его супруги, но и другие гости... И вот про этих-то других я ничего не знаю. Я на ходу достала сотовый и набрала номер вдовы Виноградова:

– Надежда, тебе случайно неизвестно, кто еще был в тот момент в комнате с Дьяченко, когда Валентин... когда все это случилось?

– Были их друзья, муж и жена, фамилию не помню. Но они в тот момент вышли на балкон, так что сами они не видели, как все произошло. По их показаниям, они вбежали в комнату уже потом, когда прогремел взрыв. А что?

– То есть непосредственных свидетелей трагедии только двое – супруги Дьяченко, так?

– Да. А что? – вновь спросила она.

– Ничего. Я пока все проверяю.

– Полина, а мне что делать, я могу тебе как-то помочь?

– Нет. Позже я тебе позвоню. – Я отключилась.

Приехав домой, я села гримироваться. Когда-то моя подруга Алина помогла мне выбрать и купить несколько париков и цветных линз. Недостатка в предметах гардероба я тоже не испытывала, так что кардинально изменить свою внешность мне не составляло труда. Через полчаса я вышла из

своей комнаты. Выглядела я зрелой женщиной с густой копной черных волос, пышным бюстом и карими глазами. (Мои серые глаза просто идеально соответствовали моим маскировочным целям – в них любые линзы можно было вставлять, даже голубые.) Итак, солидная дама отправилась в магазин на улице Юннатов. Посмотрим, что это за «Каменный цветок»! Однажды моя подруга Алина затащила меня в этот магазинчик. Ей вдруг захотелось выбрать себе перстень с каким-нибудь необычным камнем. Мы осмотрели весь прилавок, Алина перемерила все перстни, что там были, но ничего для себя подходящего так и не нашла. Я смутно помнила продавщицу, кажется, это была такая молоденькая симпатичная девушка... Она показывала Нечаевой все новые украшения, но то ли моя подруга была в тот день в капризном настроении, то ли ассортимент не удовлетворял ее требованиям, но мы ушли, так ничего и не купив. Теперь мне предстояло посетить сие заведение одной.

Я увидела магазинчик, располагавшийся на первом этаже небольшого двухэтажного здания. Над крылечком, сделанным в старинном стиле и выложенным диким камнем, красовалась вывеска: «ИП Дьяченко. Магазин «Каменный цветок». Время работы – с 10.00 до 19.00». Значит, я не ошиблась, это здесь. Я оставила машину, проехав чуть дальше, метрах в тридцати от крыльца, и поднялась по ступенькам.

Магазин был действительно небольшой. Одна комнатка, отгороженная от посетителей стеклянным прилавком.

Там красовались разнообразные украшения из всевозможных камней. На стенде, справа за стеклом, размещалась витрина с бусами. Возле нее стояла пожилая элегантно одетая дама в светлом мантии и рассматривала ассортимент, придерживая за оправу свои большие очки. Еще две девушки склонились к прилавку, водя по стеклу пальчиками. За прилавком стояла девушка с бейджем на груди, надпись извещала посетителей, что его обладательница – продавщица по имени Алена. Алена говорила девушкам милым приятным голосом:

– А вот – обратите внимание – перстень с беломоритом.

– Где?

– Вот, во втором ряду. Его считают разновидностью лунного камня. К нему и сережки есть... Вот, посмотрите. Вам очень пойдет, к вашим карим глазам. Вы кто по гороскопу?

– Рак, – ответила одна из девушек.

– Так это же ваш камень! – обрадовалась продавщица. – Берите, не пожалеете. Беломорит оказывает успокаивающее действие на нервную систему и помогает при бессоннице.

– Вер, это же прямо для тебя, – усмехнулась одна из покупательниц, – ты у нас такая психованная в последнее время! Бери, что там! И недорого.

– Конечно, недорого, – поддержала ее продавщица, – и оно так элегантно смотрится на вашей руке. В комплекте с сережками – просто изумительно!

Девушка прикладывала к мочкам ушей сережки, верте-

лась перед зеркалом, поворачиваясь к нему то правым, то левым ухом. Наконец, она решилась и полезла в сумочку за кошельком. Продавщица упаковала украшения в крохотный целлофановый пакетик, пробила чек и отдала все покупательнице. Затем она спросила даму:

– Вы выбрали бусы? Может, вам что-то подсказать?

– Нет, я еще посмотрю, – дама продолжала пялиться на стенд с таким видом, словно пыталась высмотреть там что-то очень важное для себя.

Продавщица пожала плечами и повернулась ко мне:

– А вы что хотели у нас купить?

– Я ищу что-нибудь с бирюзой, – низким грудным голосом ответила я. Бирюза – единственный камень, который в этот момент пришел мне на ум.

Продавщица обрадовалась:

– С бирюзой у нас очень много изделий! Есть даже в серебре. Вот, посмотрите сюда.

Я тоже склонилась к витрине.

– Вот недорогие сережки и довольно стильные...

– Нет, мне как раз нужно что-нибудь подороже, – оборвала я ее, – я ищу подарок подруге.

– Это хорошо, – снова обрадовалась девушка, – посмотрите на эти серьги. Большие, камень чистый. Примерьте их и посмотрите в зеркало.

– Нет, лучше вы примерьте на себя, а я посмотрю, как это выглядит со стороны, – попросила я.

– Да, пожалуй, так будет лучше.

Продавщица достала из витрины серьги и поднесла их к ушам. Она была очень молодой, просто ослепительно юной. Я бы не дала ей больше двадцати. Чистый высокий лоб, открытый взгляд больших голубых глаз, правильные черты лица. Должно быть, мужчины считают ее просто красавицей. В довершение всего, у нее была стройная фигура и рост чуть выше среднего – золотая середина: не каланча и не пигалица. Волосы, выкрашенные в пепельный цвет, стильно мелированные, собраны на затылке в пышный хвост. Девушка была в черной кофточке, на шее, в ушах и на пальцах у нее красовались изделия с ее же прилавка. Просто ходячая реклама!

– Ну, как вам? – спросила она, сняв свои и вдев в уши серьги выбранные мной.

Серьги с бирюзой шли ей невероятно. Скорее всего, из-за голубых глаз. И серебро вместе с пепельными волосами смотрелось великолепно.

– Сколько они стоят? – спросила я.

– Всего четыре с половиной тысячи.

Ничего себе «всего»! Как будто речь идет о четырех сотнях! Алена, похоже, уловила мой удивленный взгляд.

– Так это же серебро, не ювелирный сплав. И камень, посмотрите, какой большой. Но если цена вас смущает, есть серьги поменьше, за три сто пятьдесят. А потом, женщина, это же бирюза! В переводе с персидского – камень счастья. Лучший талисман просто трудно придумать. Бирюза укреп-

ляет зрение, избавляет от бессонницы и ночных кошмаров, облегчает головные боли...

А она хорошо уговаривает! Будь у меня с собой деньги, возможно, я бы даже взяла эти сережки. Меня выручила солидная дама, наконец-то созревшая для покупки бус.

– Девушка! Покажите мне вот эти – из авантюрина, зеленые.

Продавщица выпорхнула из-за прилавка, подошла к стенду и ключиком открыла его.

– Пожалуйста, можете даже примерить. Вон зеркало.

Они занялись примеркой бус, а я продолжала стоять и исподтишка наблюдать за Аленой. Она была хорошим продавцом, это однозначно. Умела разговаривать с покупателями, вернее, с покупательницами, так как этот магазин посещали, похоже, исключительно представительницы прекрасной половины человечества.

Вдруг из подсобки вышел мужчина лет тридцати пяти. Он был небольшого росточка, плюгавенький, его редкие волосенки были нелепо зачесаны набок. Темный костюм сидел на нем несколько мешковато. Мужчина обратился к продавщице:

– Алена, там от ювелира привезли новые изделия. Я их принял, сейчас посчитаю нашу наценку, и можем выставлять. Имей в виду: есть изделия из агальматолита и верделита. Да, и одна подвеска с цирконом. Если санут спрашивать – я скоро все оформлю, и будем выкладывать на витрину.

Подготовь место.

– Хорошо, дорогой, – машинально ответила Алена, продолжая заниматься с покупательницей.

Наконец та, налюбовавшись своим отражением в зеркале, полезла за кошельком, а продавщица вернулась за прилавок и начала оформлять покупку.

В это время в зал одна за другой зашли сразу несколько женщин, в магазинчике сразу стало тесно, и я незаметно выскользнула за дверь.

Я села в свою машину и принялась рассуждать. Ну, вот я и посмотрела на супругов Дьяченко. И какое они произвели на меня впечатление? Странная пара! Чем? Ну, во-первых, она – красавица, а он – какой-то облезлый бесцветный суслик. Во-вторых, он лет на пятнадцать старше ее. Чем он мог привлечь такую юную красотку? Уж точно – не своей внешностью. Может, он блещет ярким умом и необыкновенными талантами? Может, и блещет, только по нему этого не скажешь. Да и она ответила ему уж слишком равнодушно, скорее автоматически: «Хорошо, дорогой». Значит, здесь замешан денежный интерес, как пить дать. Если у него свой магазинчик, значит, наш суслик далеко не беден, это как минимум. Тогда вообще непонятно: зачем обеспеченным людям убивать бедного артиста? Тем более им не знакомого. Пока этого не пойму, я не имею права мстить им.

А вдруг это действительно – случайность? Вдруг Валентин Виноградов, выпив шампанского – а мы ведь не знаем,

пил он в тот вечер или нет, – осмелел и решил-таки покончить со своими страхами перед какой-то там петардой? И еще один вопрос, на который мне тоже предстоит найти ответ: действительно ли все участники трагедии до того вечера не были знакомы друг с другом? А может, где-то и когда-то они пересекались? Может, Виноградов и Дьяченко учились в одном классе, и Валентин, например, не дал списать Дьяченко контрольную? А может, господин Дьяченко работал раньше в театре, и Валентин отбил у него все ведущие роли?

Насчет театра я, конечно, преувеличиваю, а в остальном... Нет, надо все сначала хорошенько проверить. Смерть артиста, конечно, была ужасной, но ее случайность никем пока не доказана... но и не опровергнута.

Глава 3

Вечером Ариша, как обычно, засобирался в свое казино. Я не испытывала особого восторга по тому поводу, что дед пропадал там по ночам, но и не отговаривала его. Во-первых, это было все равно бесполезно, во-вторых, я прекрасно понимаю, что у Ариши осталось так мало радостей в жизни, что лишать его еще и удовольствия выиграть в покер было бы просто жестоко. Поэтому, провожая деда в казино, я только иногда напоминала ему о необходимости помнить о своем здоровье и, выиграв, не напиваться до эйфорического состояния.

Надо отдать деду должное – он всегда старался добросовестно выполнять мой наказ, другое дело, что это иногда ему не удавалось. Время от времени дед возвращался домой подшофе, но в таком случае утром ему была обеспечена длительная лекция о вреде спиртного в преклонном возрасте.

Впрочем, я не сильно ругала Аришу. Дед – мой единственный родной и по-настоящему близкий человек, мы нежно любим друг друга, потому что любить нам все равно больше некого. Я в свои двадцать восемь так и не смогла найти того единственного человека, с которым мне захотелось пройти по жизни рука об руку. Должно быть, у меня неимоверно завышенные требования к представителям сильной половины человеческого рода или же в нашем городе собрались далеко

не лучшие его представители. Так или иначе, но мы с дедом все еще живем вдвоем в нашем большом доме, и что-то менять в нашей жизни лично я пока не собираюсь.

Итак, Ариша отправился в свое казино, а я поднялась к себе и уже собиралась начать готовиться ко сну, как тут зазвонил телефон. Это была Алина.

– Полин, ты еще не спишь? Вот и хорошо. Слушай, я сегодня была еще в двух магазинах, где требуются продавцы. И знаешь, что я тебе скажу: это ужас! Оказывается, они так много работают и так мало получают. Полин, ну посоветуй, что мне делать?

– А ты не пробовала устроиться на какую-нибудь другую должность?

– Какую другую?

– Секретаршей, например. Или курьером.

– А сколько платят секретаршам?

– Понятия не имею. Сходи и узнай.

– Да? Это мысль! Хорошо, завтра я узнаю. А где ты сегодня вечером пропадала? Я тебе звонила.

– Похоже, у меня новое дело.

– Здорово! Расскажешь?

– При первой же встрече. Тем более что мне, возможно, потребуется твоя помощь.

– Тогда я загляну к тебе на днях. Пока!

Положив трубку, я умылась и отправилась в кровать.

На следующее утро я проснулась довольно-таки поздно. И первая мысль, пришедшая мне в голову, была о том, что это утро – субботнее. Конечно, у меня и в другие дни не было необходимости бежать сломя голову на работу, но по выходным это ощущение было особенно приятно. Я долго лежала в постели, потягиваясь и предаваясь размышлениям, потом все-таки заставила себя вылезти из-под одеяла и отправиться в ванную.

Включив тостер и кофеварку, я пошла в комнату деда, чтобы разбудить его и пригласить к завтраку. Но оказалось, что Ариша спал сном младенца и вставать не собирался. Это означало только одно: накануне дед опять «принял» лишнего. Дав себе обещание поговорить с ним как следует на тему о вреде алкоголя, когда он все-таки вырвется из объятий Морфея, я спустилась в кухню. Телефонный звонок прервал мое наслаждение утренним кофе. Звонил дядя Сережа:

– Алло, Полина, как твои дела?

– Хорошо, спасибо. А ваши?

– Мои тоже ничего. Вот немного разгрузил завалы на работе, стал посвободнее. Вы сегодня с дедушкой будете дома? Хочу заглянуть к вам на часок. Не возражаешь?

– Дядя Сережа, ну когда я возражала? Приезжайте, конечно, будем вам рады. Во сколько вас ждать?

– После обеда, на чай.

– А может, на обед? Я приготовлю что-нибудь?

– Насчет обеда не беспокойся и не хлопочи, не стоит. При-

еду на чай. Все, ждите.

Дядя Сережа отключился.

Когда через час дед вошел в кухню, виновато пряча глаза, я сделала вид, что не замечаю его. Дед, побряхтывая, опустился на стул, стараясь казаться расстроенным и несчастным. Это была его обычная уловка, чтобы избежать моих нотаций.

– Полетт, а что у нас на завтрак?

– Лекция о вреде алкоголя.

Ариша вздохнул, встал и сам налил себе чай.

– Понимаешь, Полетт, я и сам не понял, как хватил лишку. Это на радостях, поверь! Эрнест Сигизмундович вчера играл с нами после длительного перерыва, он уезжал в Ниццу, помнишь, я тебе говорил?

Я не удосужилась ответить, и дед продолжил свою оправдательную речь:

– Ну, так вот. Мы сели играть. Мне очень повезло, я забрал достаточно большой «банк». А у Эрнеста Сигизмундовича был ничтожно маленький «стэк». У меня же были туз, король, дама и «четверка». Я поставил первым...

Честно говоря, мне было совершенно неинтересно, кто поставил первым и кто забрал «банк». Ариша выпил вчера лишнего, это было главным, и пусть не надеется, что это сойдет ему с рук! Я не разговаривала с ним вовсе не потому, что сердилась на деда, просто я очень его любила и боялась, что с дедом случится что-нибудь нехорошее. Ему было уже

почти семьдесят, и я опасалась за его здоровье. Я вовсе не хотела остаться одна.

Дед понимал, что провинился, и пытался заговорить мне зубы своими картежными приключениями.

– ...Я хорошо разыграл эту раздачу, а Эрнест Сигизмундович, должно быть, просто потерял навык...

– Дед, ты обещал не пить лишнего, почему ты не держишь слово?

– Полетт! Поверь, мне очень стыдно.

– Тоже мне, узник совести! Посмотри на себя в зеркало – у тебя лицо отекло! Сознаться: сердце екает?

– Что ты, какое сердце! Я чувствую себя превосходно!

– Ну, хорошо, пей чай, я пошла к себе.

Я вышла из кухни и притаилась за дверью, подглядывая за дедом в щелочку. Он прислушался и, решив, что я уже у себя наверху, встал и полез в шкафчик, где лежала аптечка. Я вошла в тот момент, когда дед капал себе в рюмочку валокордин. Поняв, что его поймали с поличным, Ариша виновато улыбнулся:

– Полетт, это так... для профилактики...

– Именно это я и подумала.

Я заварила деду зеленый чай с шиповником и приготовила тосты с джемом. Поставила все это на стол и усадила Аришу завтракать.

– Сегодня у нас в гостях будет Сергей Дмитриевич.

– Серж?! Я очень рад. Приготовишь нам что-нибудь вкус-

ненькое?

– Что же с вами делать?

Дядя Сережа пришел сразу после обеда, как и обещал. Дед провел его в гостиную в стиле рококо, и мужчины расположились там в удобных креслах с деревянными резными подлокотниками. Ариша достал из бара свою гордость – коллекционный армянский коньяк, а я принесла им рюмки и бутерброды с икрой и беконом. Мы сидели втроем за низким ломберным столиком, вели светскую беседу, а я все ждала, когда же дядя Сережа начнет рассказывать, что ему удалось узнать о чете Дьяченко. Наконец я не выдержала и спросила его об этом прямо.

– Видишь ли, Полина, просьбу твою я, разумеется, выполнил. Но открывшиеся данные такие, что просто диву даешься!

– Что, жутко мрачная проза жизни?

– Наоборот, все как в сказке. Жили-были три брата. Правда, родными между собой были только двое, третий приходился им двоюродным. Их матери были сестрами, дочерьми одного почтенного человека, работавшего в нашем городе в администрации. Фамилия его была Дубинин. Обе его дочери, выйдя замуж, получили такие фамилии: одна – Аникеева, другая – Виноградова. Некоторое время они обе жили в нашем городе, пока старшая, Аникеева, не разошлась с мужем и не уехала с сыном на Север. Ему тогда было восемь

лет.

– И что, далеко она уехала? – спросила я.

– В какую-то Тьмутаракань. Зачем она это сделала, сказать трудно. То ли захотела досадить бывшему мужу, то ли еще зачем-то. Но прожили они там довольно долго, двадцать лет. А младшая сестра, Виноградова, так и жила с отцом и своей семьей здесь, в Горовске. За это время господин Дубинин успел овдоветь, но через некоторое время женился во второй раз на одной своей сотруднице, еврейке по национальности. Вскоре они уехали на постоянное место жительства на ее историческую родину, в Израиль. Младшей дочери отец оставил свою квартиру в центре.

– Серж, – вмешался Ариша, – я прекрасно помню ту женщину. Я как-то обращался в администрацию... ну, неважно зачем, и мне довелось познакомиться с ней. Ее звали, насколько я помню, Эсфира Наумовна Короткович.

– Совершенно верно. Так вот, Дубинин взял ее фамилию и уехал, как я уже говорил, с ней в Израиль. У нее там были кое-какие родственники. Супруги Короткович влились в их бизнес, потом открыли свое дело и несколько лет жили, насколько я понимаю, просто прекрасно.

– А потом, как всегда неожиданно, что-то вдруг случилось, – предположила я.

– Ты права, – дядя Сережа взял рюмку, в которую Ариша плеснул еще немного коньяку. Себя дед, разумеется, тоже не забыл.

Мужчины выпили, закусили бутербродами, и, прожевав, дядя Сережа продолжил:

– Так вот. Сначала умерла жена Дубинина. Пару лет он продолжал заниматься своим бизнесом, но недавно скончался и сам. И надо сказать, в довольно почтенном возрасте, ему было далеко за семьдесят.

– Я так понимаю, дядя Сережа, мы подошли к самому главному в вашем повествовании, – сказала я.

– Да, Полина, именно к самому главному. Все, что вы слышали до этого, было лишь предысторией. Итак, господин Дубинин, вернее, теперь уже Короткович, скончался в Израиле, оставив небольшую юридическую контору. После его смерти обнаружилось завещание, гласившее, что все его имущество достается по наследству его внукам, заметь: именно внукам, не дочерям! За что старик так обиделся на своих дочек, сказать трудно, но их в завещании он даже не упомянул.

– Может, он разошелся с ними по идейным соображениям или они ему не оказывали должного почтения, – предположил дед.

– Факт остается фактом: в завещании, всплывшем буквально на днях в одной юридической фирме-посреднике, говорится, что все наследство господина Коротковича должно быть продано в Израиле, а денежные средства переданы в России троим его внукам и поделены между ними поровну.

– И сколько же составляет это денежное наследство в рублях? – спросила я.

– Ни много ни мало двадцать миллионов. Часть денег из наследства пошла на оплату трудов фирмы-посредника, продававшей контору в Израиле, оформлявшей все документы в России, ну и так далее.

– То есть внуки израильского деда должны были получить двадцать миллионов на троих? – спросила я.

– Да, братья Виноградовы – Валентин и Валерий и их двоюродный брат, Аникеев Анатолий, – это как раз и есть наследники своего деда, господина Дубинина-Коротковича.

– Дядя Сережа, с наследниками все понятно. Но каким образом сюда прилепился гражданин Дьяченко?

– А таким. Это и есть старший брат Анатолий, который, разведясь со своей первой женой, женился во второй раз на некой юной особе и взял ее фамилию – Дьяченко.

– Как?! Это и есть двоюродный братец Валерия и Валентина?! Тот, что жил на Севере много лет?.. Так вот оно что! Они все – братья! Ну вот вам и мотив убийства. А я-то голову ломала: зачем супругам Дьяченко понадобилось убивать артиста Виноградова? Теперь понятно, что и смерть Валерия не была случайностью. Двух своих братцев – на кладбище, а сам с двадцатью миллионами... До конца жизни хватит на весьма шикарное житье! – не удержалась я.

– O tempora! O mores! – воскликнул дед, покачав головой и наливая себе и дяде Сереже еще коньяку.

– Времена и нравы тут ни при чем, – возразил дядя Сережа, – всегда находились подобные мерзавцы, готовые за на-

следство отравить родного брата.

– Значит, Надежда была права: это настоящее убийство! Все-таки женское чутье – большое дело! А следователь-то не нашел состава преступления, – усмехнулась я.

– А оно ему было надо? – спросил дядя Сережа.

– Да, если братья встретились через двадцать лет, понятно, почему они не узнали друг друга. Виделись-то они давно, перед разлукой, маленькими детьми? Я права?

– Да, Полина. Если старшему было восемь лет, – а я подсчитал, в том году, когда он с матерью уезжал на Север, ему было именно восемь, – то двум его двоюродным братьям и того меньше. Конечно, они друг друга не узнали, и, думаю, вернувшись в Горовск, Анатолий жил здесь, не показываясь им на глаза, – сказал дядя Сережа.

– А почему он так поступил, как вы думаете?

– Видишь ли, Полина, я проверил его самым тщательным образом и выяснил, что он ездил к деду в Израиль. А раз ездил, мог знать о дедовом наследстве. В отличие от своих братьев, которые с дедом отношений практически не поддерживали.

– Серж, – вмешался дед, – раз ты все это знаешь, может, дашь там своим указание прижать этого Анатолия? Пусть кто-то из ваших проведет расследование...

– Аристарх Владиленович, во-первых, наша контора занимается преступлениями иного рода. Копаться в бытовухе никто не станет. Во-вторых, боюсь, доказать вину Дьяченко

будет все-таки непросто. Свидетелей нет, следов насилия на теле артиста – тоже. Как доказать, что он взял петарду в руки не по своей воле? Показания его жены, вернее, вдовы? Это не доказательство. Она может говорить все, что угодно, слова к делу не пришьешь. Ее там не было. Супруги Дьяченко утверждают, что Виноградов сам взял петарду и пытался ее зажечь, а она взорвалась. Даже то, что они были родственниками, не доказывает их вину. Они могли и не знать этого. Ну, вернулся старший брат в город через двадцать лет, живет здесь, но при этом не видится с родственниками, допустим, не хочет. И что? Это не наказуемо.

– Да, Дьяченко все хорошо продумал. Вот жук! Но теперь я сама займусь им. А вам, дядя Сережа, спасибо за информацию.

– Полина, я всегда рад помочь тебе.

– Серж, может, тогда еще по рюмочке?.. За успех ее дела? – нашелся Ариша.

Мужчины выпили еще по рюмочке, потом еще... Я ушла в свою комнату. Пусть наслаждаются обществом друг друга, они видятся нечасто. Дядя Сережа постоянно очень занят на работе и у нас бывает редко.

В своей комнате я уселась в кресло и принялась рассуждать. Итак, мотив у нас налицо. Наследство, причем немалое! Очевидно, Дьяченко посчитали, что число двадцать на троих делится плохо, вот и решили подогнать задачку под другой ответ. Что ж, будем считать, что с Валентином Вино-

градовым все ясно, но остается еще младший брат, Валерий. Он покончил жизнь самоубийством, как сказала Надежда. Мне предстоит проверить и это.

Я набрала ее номер.

– Надежда? Это Полина. Я хотела уточнить у тебя кое-что.

– Уточняй.

– Брат твоего мужа точно повесился сам? Следствие велось?

– Не было никакого следствия. Валерий был дома один. Когда его обнаружили, дверь была заперта изнутри. Следов насилия на его теле тоже не было. Так что умирать ему никто не помогал, это однозначно. Ой, я же не сказала...

– Что еще?

– Еще записку нашли. Мол, ухожу сам, так жить не могу, очень боюсь и все такое.

– А чего боялся твой деверь? Смерти от рака?

– Конечно! Я же тебе говорила, он мне сразу сказал, что умирать долго и мучительно не собирается. Лучше уж, мол, сразу...

– Да, я помню. Надя, а откуда Валерий узнал о своей болезни?

– Так ему же в больнице сказали! Он там обследование проходил...

– В какой больнице?

– В нашей, горовской.

– А в связи с чем он проходил обследование? У него что-

то болело?

– В том-то и дело, что нет. Валерка никогда ни на что не жаловался, а тут ему позвонили из собеса и предложили бесплатную путевку в санаторий, как инвалиду. Он согласился, он ведь в свои двадцать девять еще ни разу никуда не ездил. А путевка оказалась «горящая», ему надо было срочно всех врачей пройти. Он и пошел их обходить.

– А почему он пошел не в свою поликлинику по месту жительства, а в больницу?

– Так ему в собес сказали, что курортная карта нужна срочно, в поликлинике ее оформить он никак не успел бы. И ему посоветовали сходить в больницу. Там есть коммерческое отделение, или хозрасчетное? Я точно не знаю, как оно называется, но там за деньги можно сделать срочные анализы. И врачей тоже пройти срочно. А плата не такая уж большая. Зато потом получаешь бесплатную путевку.

– И все это сказали по телефону? Или Валерий сам ходил в собес?

– Нет, он говорил с ними по телефону.

– Понятно. Значит, говорившего Валерий в глаза не видел. А фамилию свою этот человек не назвал?

– Понятия не имею, Валера мне об этом не доложил. Я только знаю, что он побежал сдавать все анализы и проходить врачей, и тогда-то и обнаружилось, что у него рак.

– Надежда, а ты случайно не в курсе, где эта справка с анализами? Ее можно увидеть?

– Курортная карта? Если честно, я даже не знаю. Наверное, там, в квартире, так и лежит. Там теперь живет их мать.

– Твоя свекровь?

– Да. Но с ней все так сложно...

– В каком смысле?

– Ну, понимаешь, когда-то она их бросила...

– Своих сыновей?

– Да. И мужа тоже. И ушла к другому мужчине. Валентин тогда только что поступил в театральное училище в Москве, а Валерий еще учился в школе. Отец не смог вынести этого, запил и вскоре умер: отравился паленой водкой. А Валентину пришлось подрабатывать и кормить себя и брата, пока тот не окончил школу и не устроился на работу.

Теперь понятно, почему израильский дед не оставил наследство своим дочерям. Старшая разошлась с мужем и уехала к черту на куличики, младшая бросила семью ради какого-то хахала. Скорее всего, отец считал своих девочек особами непутевыми, а внуки в его глазах выглядели страдальцами.

– Надежда, постарайся найти эту справку с анализом крови Валерия.

– Полина, зачем тебе это? Что ты там хочешь увидеть?

– Фамилию врача. И еще, Надежда, ты что-нибудь слышала про израильского деда твоего мужа?

– Да, слышала. Он живет в Тель-Авиве, богат, во всяком случае, у него своя фирма. Года два тому назад он схоронил

жену.

– Это все?

– А что еще я могу знать? Виноградовы с ним практически не общались. Так, изредка доходили слухи...

– А что этот дедушка недавно умер и оставил наследство своим внукам, ты знаешь?

– Умер? Нет, об этом я ничего не знаю.

– А что у твоего мужа есть еще и двоюродный брат?

– Так он со своей матерью уехал на Север, когда еще был ребенком, и с тех пор они потеряли с ними связь.

– Что они, так за все эти годы и не виделись?

– Нет. А ты, Полина, откуда все это знаешь?

– Тайна следствия. Я еще знаю, что этот двоюродный блудный братец уже давным-давно вернулся в наш город и живет здесь со своей женой. И зовут его... Ты там хорошо сидишь? Анатолий Дьяченко.

– Что?! Не может быть! Дьяченко – брат моего мужа?! Тот самый Дьяченко?!

– Ты хочешь сказать, его звали как-то иначе?

– Да нет, я знаю, что двоюродного брата моего мужа звали Толиком, мне Валентин как-то говорил... Но чтобы это был Дьяченко... Вот черт!

– Надежда, тебе поручение. Во-первых, найди ту справку или карту, или что там еще, с анализом крови Валерия. Мне необходимо знать фамилию врача. И еще: познакомь меня со своей свекровью.

– Полина, боюсь, последнее мне сделать будет трудно. Это такой непредсказуемый человек! Своенравная она очень. А после смерти сыновей она стала... как бы это помягче сказать? В общем, у нее теперь такие странности...

– Что, с головой не все в порядке?

– Ну, в общем, можно сказать и так. И ведь она еще не знает о смерти отца!

– Надежда, об этом ей пока – ни слова! И все-таки попробуй договориться с ней о нашей встрече. Вдруг она согласится?

– Полина, а зачем тебе знакомиться с моей свекровью?

– Ты же сама просила помочь тебе отомстить... сама знаешь кому. А как, по-твоему, я могу это сделать, если не знаю об этих людях ничего? Для начала мне нужно собрать о них как можно больше информации.

– Понятно. Хорошо, я попробую договориться с Натальей Георгиевной. Позже позвоню.

Мы попрощались с Надеждой, и я положила трубку.

Она позвонила вечером, когда я уже подумывала ложиться спать.

– Полина, я была у Натальи Георгиевны, она согласилась поговорить с тобой завтра. Ты сможешь подъехать к ней на улицу Техническую?

– Разумеется. Номер дома?

– Тридцать три, квартира двадцать.

– Во сколько?

– Она сказала, что можно приехать к одиннадцати. Я тоже подъеду.

– Тогда давай ровно в одиннадцать, у подъезда.

Ну вот. Завтра я увижу эту женщину, потерявшую двух сыновей в течение двух месяцев. Наверное, это самое страшное, что может быть в жизни, – потерять своих детей. Обоих. Теперь у нее никого нет. Хотя почему – никого? У нее есть сноха и внук. Неизвестно только, в каких она с ними отношениях.

На другой день ровно в одиннадцать я вышла из машины около дома номер тридцать три по улице Технической. Это была обыкновенная кирпичная пятиэтажка. Надежда уже стояла у двери подъезда. Она была в куртке и без шапки, в общем, одета уже по-весеннему, хотя на улице стоял легкий морозец. Мы поздоровались, Надя открыла дверь подъезда своим ключом-магнитиком, и мы вошли.

Квартира номер двадцать находилась на самом последнем этаже. Пока мы поднимались по лестнице пешком, Надежда инструктировала меня, как надо вести себя с ее свекровью. В частности, она предупредила меня, чтобы я ничему не удивлялась. Я и сама давно уже научилась это делать. Если бы еще в моей власти было – не удивлять других!

Нужная нам дверь оказалась не железной, а самой обыкновенной, деревянной. Такие теперь – большая редкость.

Практически все граждане уже давно поставили у себя железные надежные двери. Но Надины родственники к такому не относились.

Мы позвонили. Нам открыли сразу, как будто очень нас ждали. На пороге стояла дама лет пятидесяти пяти или около того. Не очень высокая, но дородная и, как говорит мой дед, видная. Огненно-рыжие волосы ее были собраны в высокую прическу, на лице – макияж, на шее, руках и в ушах – украшения. Дорогое платье темно-зеленого цвета сидело на ней просто изумительно. Гордая осанка выдавала в ней женщину волевою, с характером. И только одно было в ней, не соответствующее всему остальному, – ее глаза. Очень печальные зеленые глаза, смотревшие так, будто она терпела невыносимую боль. И еще губы, подкрашенные, плотно сжатые, с опущенными книзу уголками.

Женщина отступила назад, давая нам возможность войти в квартиру.

– Здравствуйте, Наталья Георгиевна.

– Здравствуйте.

А у нее хороший грудной голос. Низкий тембр, чуть с хрипотцой.

– Это – Полина, я вам говорила о ней.

– Помню. А я – Наталья Георгиевна. Проходите.

Она не стала говорить о том, как ей приятно со мной познакомиться и прочую ненужную ерунду. Я заметила, что высказывается она очень лаконично, и это мне понравилось.

Мы прошли в комнату, где еще совсем недавно жил младший сын этой женщины. Похоже, здесь все так и осталось, как было при нем. Вот диван, далеко не новый, не разложенный, с одной подушкой. Маленький компьютерный стол у окна, на нем – плоский монитор, клавиатура, темно-синяя кружка с надписью «Валера». Возле стола – вертящийся стул. Шифоньер с антресолюю. Рядом – тумбочка с недорогим музыкальным центром. В углу – довольно старый телевизор, собранная гладильная доска. На полу – голый, местами обшарпанный линолеум, даже ковровой дорожки нет. На окнах – жалюзи, на подоконнике ни цветочка. Все более чем скромно. Практически бедно.

На маленькой подставке для телефона стояли два больших портрета. С них смотрели молодые симпатичные парни: один – чуть постарше, улыбающийся, с открытым лицом, в несколько неестественной, театральной позе, другой – со взглядом испуганного ребенка. Перед последним стоял стакан с водкой, накрытый сверху куском хлеба. Рядом горела в подсвечнике тонкая церковная свеча.

Хозяйка опустилась на стул, предложив нам присесть на диван. Мы с Надеждой сели. Женщина смотрела на меня выжидательно, не говоря ни слова. Должно быть, ждала, когда я заговорю первой. Что ж, первой так первой.

– Наталья Георгиевна, я знаю о вашем горе. Примите мои соболезнования.

– Спасибо.

– Ваша сноха обратилась ко мне, как к юристу...

– Так вы юрист?

Женщина удивленно вскинула брови. Интересно, подумала я, неужели я так не похожа на всех остальных юристов? Заметив мое замешательство, Надежда пришла мне на выручку.

– Полина, я сказала Наталье Георгиевне, зачем я обратилась к тебе.

А вот это напрасно, подумала я. Чем меньше людей в курсе дела, тем лучше. Лишние уши – это и лишние языки. Я всегда старалась привлекать к делу только самых необходимых людей, да и тем не давала полной информации. Но раз человек уже в курсе, тут ничего не поделаешь.

– Наталья Георгиевна, во-первых, я действительно по образованию юрист...

– Вы сможете отомстить убийце моего сына?

Подкупающая прямота! Я покосилась на Надежду. Та округлила глаза и покивала головой: да, мол, что делать, вот такая у меня свекровь.

– Полина, я могу предложить вам деньги. У меня есть кое-какие сбережения... Мой отец оставил мне свою квартиру, я могу продать ее. А пока – вот...

Женщина достала из кармана сложенную в несколько раз бумажку и протянула мне.

– Что это?

– Деньги. Тысяча долларов. Это задаток. Если такая сум-

ма вас устроит...

– Нет, нет, Наталья Георгиевна, вы не поняли. Я не нанимаюсь киллером. Я не по этой части...

– Как? А Надежда сказала, что вы отомстите этим Дьяченко!

– Только не за деньги.

– Чего же вы хотите? – насторожилась женщина.

– Справедливости. Мы будем их судить...

– Суда не будет. Следователь не видит состава преступления. Мне так сказали. Так что Фемида в данном случае бессильна.

– Судить убийц мы будем сами. Своим судом. Если Фемида, богиня правосудия, бессильна, в дело вступает ее сестра – Немезида, богиня неотвратимого возмездия. Супруги Дьяченко, в конце концов, получают заслуженное наказание.

– Но как?!

– В свое время вы все узнаете. А пока ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос: как давно вы видели своего племянника?

– Толика? Очень давно... Лет... Господи, когда же это было?

– Лет двадцать – двадцать пять тому назад?

– Да, кажется...

– А каким он тогда был, вы можете описать его характер?

– Да ему тогда было лет девять или восемь... не помню. А характер у него всегда был вредный. И еще он был жадным.

Помню, как-то сестра была у меня в гостях с Толиком. Я дала всем мальчикам конфеты – поровну, по три штуки. А когда вышла из комнаты, услышала возню и сопение. Я тихонько заглянула в дверь и увидела, как Толик отнимает конфеты у моих сыновей, они тогда совсем маленькие были, Валере лет пять было или даже меньше. Я понаблюдала за ними некоторое время, а когда увидела, что Толик все конфеты у братьев отнял и рассовал по своим карманам, я вошла в комнату и спросила, что тут происходит. Валентин ябедой никогда не был, он промолчал, а вот Валерик сказал, что старший брат отнял у них гостинец. И представьте, Толик, не моргнув глазом, тут же достал конфеты из кармана и вернул братьям.

– Да, это о многом говорит. Если уже в восемь-девять лет он готов был обобрать своих младших братьев...

– Полина, почему вы спросили о Толике? Какое он имеет отношение к этой истории?

Глава 4

Как мне не хотелось наносить еще один удар этой женщи-
не! Вернее, даже два. Ведь она все еще считала своего отца
живым. А узнать, что ее племянник является убийцей ее сы-
на – тоже сюрприз не из приятных. Но деваться было некуда.
Да и потом, она все равно рано или поздно узнает.

– Наталья Георгиевна, где Толик сейчас?

– Толик живет и работает где-то далеко на Севере.

– А ваш отец – далеко, в Израиле?

– Да. А что?

– Странно, что вам до сих пор не сообщили. Скорее всего,
на днях вы все узнаете...

– О чем же сообщили? Что я должна узнать?

Нет, в ее голосе не было страха и тревоги. Должно быть,
она уже все потеряла в этой жизни и испытать бóльшую боль
она все равно не в состоянии. Поэтому я сказала без всякой
подготовки:

– Наталья Георгиевна, я вынуждена с прискорбием сооб-
щить вам, что ваш отец недавно скончался.

Она действительно перенесла это известие стойко, во вся-
ком случае, мне так показалось.

– Да, он был уже стар. Этого можно было ожидать, – спо-
койно и довольно холодно заключила она.

– Ваш отец был достаточно богат, вы знаете об этом?

– Он являлся владельцем юридической конторы или чего-то в этом роде. И еще у него свой дом.

– Да. По завещанию все его имущество должно быть продано, а деньги разделены поровну между всеми его внуками. Общая сумма завещания – после всех выплат конторе-посреднику и оплаты похорон – в рублях составляет двадцать миллионов.

Женщина кивнула головой:

– Мой отец был большим оригиналом. О своих дочерях он, разумеется, и не вспомнил... Да, но теперь, когда моих сыновей нет, единственным наследником будет Толик? Я права?

– Да. Анатолий Дьяченко.

– Позвольте, какой Дьяченко? Фамилия Толика была...

– Аникеев. Но потом он взял фамилию своей второй жены. Теперь он Дьяченко и живет здесь, в Горовске.

Несколько мгновений Наталья Георгиевна смотрела перед собой широко раскрытыми глазами. Она как будто остолбелела, бледность залила ее щеки. Наконец она смогла произнести вслух то, что пытался переварить ее ум:

– Так это... Толик?!..

Надежда метнула на меня испуганный взгляд.

– Наталья Георгиевна, не расстраивайтесь, – поспешила она успокоить свекровь.

– Так это – Толик... Тот человек, в доме которого погиб мой старший сын?!

Женщина все еще не в силах была совладать с собой. Она так и сидела, смотря перед собой широко раскрытыми глазами. Губы ее мелко дрожали.

Надежда побежала на кухню и вернулась с пузырьком корвалола в руках.

– Вот, выпейте, пожалуйста...

– Так это...

– Полин, что делать? – испуганно прошептала Надежда, показывая глазами на свекровь.

– А делать надо вот что: надо его тоже убить. И немедленно!

С этими словами Наталья Георгиевна встала, гордо выпрямила спину и пошла на кухню. Через мгновение она оказалась в дверях, в ее руках блеснул большой нож.

– Я пойду к Толику – будь он трижды проклят! – и воткну ему этот...

Мы с Надеждой бросились к ней, отобрали холодное оружие, а ее саму усадили на диван и заставили-таки выпить едва не полпузырька корвалола. Надежда поставила чайник, решив напоить свекровь чаем и отговорить ее от немедленного акта возмездия.

Мы сидели за столом в кухне и пили крепкий чай с лимоном и вареньем.

– А я ведь его крестила, племянничка своего! Когда Дашка родила, мы с ней поехали в церковь. Я его крестила, а он моего сына... Да что же это делается на белом свете?!

Наталья Георгиевна вдруг разрыдалась в голос. Надежда обняла ее за плечи, гладила по плечу и уговаривала держать себя в руках.

– Наденька, для кого мне теперь жить? Теперь, когда оба моих мальчика лежат в земле?..

– Для нас – для Илюшки и для меня. Наталья Георгиевна! Мы вас очень любим, вы нам нужны... Илья очень похож на папу, он будет расти, вы будете радоваться, глядя на него...

– Я уже больше никогда не буду радоваться. Я умерла вместе с моими сыновьями... Толик... Ах, Толик! Какая же ты гадина! Он и в детстве был жадным. И лживым. Напакостит – и никогда не сознается, все норовит на других свалить. Наденька, его надо убить, обязательно убить! Такие твари не должны ходить по земле...

– Да, конечно... Обязательно приедем его... Взорвем!

– Брата!.. Своего кровного брата!.. Куда же катится этот мир?!

В этот раз я больше ничего не сказала Наталье Георгиевне. Достаточно с нее на сегодня. Вскоре мы с Надеждой ушли, уложив женщину на диван, отдохнуть.

– Ей неплохо бы сейчас побыть с кем-нибудь, может, возьмете ее на время к себе? – предложила я.

– Думаешь, я ее не звала? Не идет. Говорит, что хочет находиться в той комнате, где жил ее младшенький. – Надежда вздохнула: – Бедная женщина! Я бы такого не выдержала! У меня бы, наверное, сердце разорвалось от горя. Подумать

только – два сына!.. Но в одном она права: эту сволочь надо убить. Как мне хочется подкараулить его вечером возле дома и вонзить нож в его черное сердце!

– Еще одна народная мстительница! А потом – в тюрьму? Лет эдак на десять. А сын? Престарелым родителям на шею его повесишь?

Надежда вздохнула:

– Да, это не вариант. Но что же тогда делать-то, Полина?

Мы уже вышли из подъезда и стояли возле моей машины.

– Ты справку нашла? С анализами?

– Нет. Вчера, когда я одна к Георгиевне приходила, я ее о ней спрашивала. Мы все ящички в шкафу перерыли, все бумажки пересмотрели – не нашли.

– Да, это плохо. Но не смертельно.

– Как же ты теперь узнаешь фамилию врача?

– Есть и другие способы.

– Какие?

– Это уж моя головная боль. Поезжай домой, к сыну. Когда понадобится – я тебе позвоню. И навещай почаще свою свекровь.

* * *

По дороге домой я завернула в магазинчик на улице Юннатов. Я и сама не знала, зачем туда еду. Я была без грима и показываться на глаза хозяевам не собиралась. Но меня тя-

нуло в этот магазин с какой-то неодолимой силой. Я поставила машину метрах в тридцати от входа и поднялась на крыльцо. Через входную стеклянную дверь я посмотрела в зал. Там было полно народу. Человек пятнадцать мужчин и женщин толпились у витрины. Для небольшого торгового зала это был предел. И тут только я вспомнила, что завтра – Восьмое марта. Конечно, эти люди ищут подарки: кто-то себе, а кто-то любимым женщинам. А что в такой день может быть лучше украшения с красивым оригинальным камнем!

И тут я заметила на двери прямо под табличкой со словом «Открыто» лист бумаги, на котором фломастером от руки было написано печатными буквами: «Объявление. Магазины «Каменный цветок» срочно требуется продавец. Обращаться в магазин или по телефону...» Далее следовал номер. Я сорвала листок и быстро пошла к своей машине, по дороге набирая телефон Нечаевой.

– Алло? Алина? Ты где?

– Я дома.

– Что делаешь?

– Собираюсь принять ванну.

– Слушай, тут срочное дело. Ванна отменяется!

– Как отменяется? Я уже в нее воды набрала...

– Ничего, вода не протухнет. Если мне не изменяет память, ты мечтала поработать продавцом?

– Да, только пока не нашла ничего подходящего. Везде либо график работы неудобный, либо зарплата не соответ-

ствуует моим представлениям о ней... А в одном месте...

– Алина, срочно собирайся и приезжай на улицу Юннатов, в магазин «Каменный цветок». Помнишь, мы с тобой в нем были когда-то? Ну, тот, где продают всякие украшения с камнями...

– Да знаю я! А что там сейчас? «Выкинули» что-нибудь особенное к празднику?

– Понятия не имею, что там выкинули, но знаю точно, что туда срочно требуется продавец!

– А какая там зарплата? А график работы? А на работу во сколько приходиться? А то я по утрам рано вставать не могу...

– Алина, все эти вопросы ты задашь хозяину магазина. И учти: какая бы там ни была зарплата, ты все равно устроишься туда работать, поняла? Мне срочно нужен в этом магазине свой человек!

– Ну, ладно, еду...

Да, на Алинку можно было положиться. С кучей недостатков в ее характере я мирилась именно потому, что в нужный момент, когда возникала крайняя необходимость, она никогда не отказывала мне и выполняла все, о чем я ее просила.

Я села в машину. Ждала я Нечаеву примерно час. Естественно, ей надо было подвести глаза и вообще привести в порядок лицо: без этого выйти из дома Алина не смогла бы ни за что на свете. Потом еще минут десять она наверняка расчесывала свои русые волосы, тщательно укладывая волосинку к волосинке.

Нечаева подбежала к машине, запыхавшись.

– Привет! Вот и я... Ты сама-то в магазине была?

– Алин, мне там показываться нельзя. Давай сделаем так.

Сейчас идешь и договариваешься насчет работы. И помни: какие бы условия хозяева ни выставили – ты соглашаешься! Можешь поломаться для виду, но потом все равно согласишься. Мне просто необходимо быть в курсе того, что там творится.

Алина кивнула.

– А вот это ты должна установить где-нибудь в подсобке под крышку стола или под подоконник, сама посмотришь, где лучше.

– Что это, «жучок»?

– Да. Прикрепляется он просто. Смотри: вот острие, воткнешь его, допустим, в крышку стола – и все. Только осторожнее, чтобы тебя не заметили! Поняла?

– «Нешто я да не пойму? При моем-то при уму!»

– Давай иди, а то другие твое место займут.

Алина поправила волосы и отправилась в магазин. Я ждала ее довольно долго, пока у меня терпение не кончилось. Тогда я вышла из машины и отправилась за Нечаевой следом.

Картина, открывшаяся мне, поразила меня до потрясения. Нечаева стояла за прилавком вместе с Аленой, хозяйкой, и тоже показывала всем желающим различные бусы и подвески! На меня она даже не подняла глаза, так была увлечена своим делом. Ее оставили работать прямо сразу же, по-

няла я и вернулась в машину. Заеду за подругой в конце рабочего дня, решила я и отправилась в ближайшее кафе, перекусить.

К семи вечера я вновь стояла недалеко от магазина и наблюдала за входом. Люди все продолжали заходить, хотя пошел уже восьмой час. Как это понимать, ведь магазин работает до семи? Подойдя ближе, я увидела новое объявление на двери: «Седьмого марта магазин работает до двадцати ноль-ноль». Когда это они успели вывесить?

Действительно, ближе к восьми вечера народу стало меньше, уже почти никто не заходил, все только выходили. Наконец последний покупатель покинул «Каменный цветок», на двери появилась табличка «Закрето». Когда же появится моя подруга? Пару раз я включала прослушку, но в ней была тишина. Похоже, Алина так и не смогла поставить «жучок».

Она вышла минут через десять после закрытия. Я поигнала ей, Алина подошла к машине:

– Ты меня ждешь? Ой, как хорошо, а то я так устала! – Она плюхнулась на переднее сиденье рядом со мной. – Поехали?

– Рассказывай, что там у тебя? Поздравить можно? – Я повернула ключ в замке зажигания.

– Можно. Поздравляй. Хозяева так обрадовались, что я пришла! Сегодня же предпраздничный день. Покупателей – сама видела сколько. Просто Вавилонское столпотворение. Все ринулись срочно приобретать подарки к Женскому дню.

Так что я оказалась как нельзя кстати.

– «Жучок» поставить, как я поняла, тебе не удалось?

– Полина, какой «жучок»?! Ты не представляешь, что там было! В туалет отойти не могла! Народ шел и шел... Мы с Аленой не успевали побрякушки покупателям подавать. Меня-то к кассе в первый день не допустили, так я все за прилавком крутилась. А там сама знаешь как: девушка, покажите то, девушка, покажите это...

– А ты, я смотрю, во вкус вошла? И какой тебе положили оклад?

– Семь тысяч.

– Аттракцион неслыханной щедрости! А график работы какой?

– Неделя через неделю. С десяти до семи вечера.

– Тяжеловато тебе будет с непривычки. Но, Алина, ты пока потерпи. Постарайся подружиться с Аленой, побольше рассказывай ей о себе – только не правду, а так... что сможешь придумать. Чем больше ты наврешь, тем лучше. Паспорт у тебя спросили?

– А как же! Ксерокопию сделали – у них там в подсобке ксерокс стоит.

– Кто с тобой разговаривал о приеме на работу?

Я везла Алину домой. Надо же было отблагодарить ее за согласие потрудиться в магазине.

– Со мной разговаривал Анатолий Викторович. Это директор и хозяин магазина. Хорошо, что я сама увлекаюсь ми-

нералами. Он, как узнал, что я разбираюсь в камнях, так обрадовался! Сразу меня – за прилавок. Ну, меня-то этим не испугаешь, я быстро сориентировалась. А хозяева обрадовались, попросили меня до восьми вечера остаться. Народ-то идет! Мы сегодня такую выручку сделали! Как за два предыдущих месяца.

Похоже, Нечаева действительно вошла во вкус. Это хорошо.

– Алина, а как мы отметим завтра наш Международный женский праздник?

– Ой, даже не знаю! Я ведь теперь работаю.

– Давай после работы. Я за тобой заеду, сходим куда-нибудь в кафе, посидим. Как ты на это смотришь?

– Если не упаду завтра к вечеру от усталости.

Мы остановились возле ее дома, она вышла.

– Алина, попробуй завтра опять «жучок» воткнуть.

– Да я помню.

Мы с подругой попрощались, и я поехала домой.

Я нашла Аришу в гостиной в стиле хай-тек. Он смотрел телевизор.

– Дедуль, какие новости? – спросила я, целуя его в щеку.

– Полетт, тебя весь день не было дома. Где ты пропадаешь?

Так, старик решил немного поворчать для разнообразия.

– Соскучился? Дядя Сережа давно ушел?

– Давно. Ты мне зубы не заговаривай! Где ты была?

Кажется, дед решил взять реванш за мою утреннюю взбучку ему за выпитый им накануне лишку.

– Дедуль, не ворчи. Пойдем лучше поужинаем.

– А у нас есть чем?

– Я сейчас все быстро приготовлю.

За ужином дед еще раз поднял вопрос о моем отсутствии.

– Я встречалась с матерью убитых братьев Виноградовых, – ответила я, положив деду в тарелку пельмени.

– Как она восприняла известие о том, что убийца ее сына – ее племянник?

– Была шокирована. Но поверила. Сказала, что у Толика – так она называет племянника – всегда был подленький характер. И еще, он с детства был жадным. Отнимал у младших братьев конфеты.

– Видно, мало его пороли в детстве. А еще новости есть?

– Я устроила Алину на работу в магазин к этому Толику.

– На должность ушей?

– Да, она будет моими ушами и глазами. И по совместительству – продавцом.

– Хозяева не всё будут говорить при ней, если они не дураки.

– На этот случай я попросила ее поставить в подсобке «жучок».

Дед довольно покивал головой. Это означало похвалу мне за мою сообразительность.

– Хороший ход – устроить Алину в магазин!

– Да, еще бы мне самой устроиться к супругам Дьяченко домработницей, а тебе – дворником. Уж тогда бы мы их со всех сторон обложили.

– А хозяева не будут шокированы тем, что их дворник после рабочего дня, убрав метлу и лом, надевает смокинг и отправляется в казино?

– Таких уже ничем не шокируешь. Они сами зашокируют кого угодно! Дед, я думаю, смерть второго брата, Валерия, тоже их рук дело.

– Тебе надо навеститься в больницу, туда, где он сдавал анализ крови.

– Да, я думала об этом. Мне опять понадобится помощь твоего старого знакомого по покеру, главврача больницы...

– Петра Васильевича? О чем речь! Сегодня же позвоню ему и попрошу помочь тебе.

Я была очень благодарна деду. Он не отговаривал меня заниматься таким рискованным занятием, как месь, а его обширные знакомства и влияние в городе не раз помогали мне в работе.

– А ты знаешь последнюю новость, Полетт? – Ариша хитро прищурился.

– Какую новость? – насторожилась я.

– В наш коттеджный поселок приехала жить одна знаменитость...

Я насторожилась еще больше. Какая еще знаменитость?

В наш поселок и так лезли все, кому не лень. Еще бы! Собственный дом, охрана на въезде, которую просто невозможно миновать, чистые заасфальтированные дорожки...

– И кто же эта знаменитость? Неужели Анна Семенович?

– Стилист Андрей Птицын! Слышала о таком?

Этого еще здесь не хватало! Ему-то почему не живется в своей огромной пятикомнатной квартире в самом центре города? На природу потянуло из каменных джунглей? Птицына довольно часто показывали по местному телевидению. Он стриг всех знаменитостей нашего города, артистов, бизнесменов...

– Советую тебе, Полетт, познакомиться с ним. Очень экстравагантный молодой человек!

Я внимательно посмотрела на Аришу. Я знала, что деду никогда не нравились такие молодые люди, которые делают пластические операции, носят серьги и пользуются косметикой. А еще позволяют себе показываться на публике в такой одежде, что сразу и не определишь, кто ее надел: девушка или юноша. В последний раз, когда я видела Птицына по телевидению на открытии его нового салона красоты, он был в каком-то бесформенном балахоне, похожем на простыню. Что называется, простенько и со вкусом.

Птицын бегал от одного своего знаменитого клиента к другому, а интервью давал, жестикулируя, как капризная красотка. Алина тогда сказала про него, что он – самый экзальтированный и популярный стилист нашего города. А я

думаю, что у Птицына просто есть деньги, и он сам себя, что называется, «раскрутил».

– Дед, зачем мне знакомиться с этим клоуном?

– Будешь стричься у него, по-соседски. Только сегодня показывали в местных новостях нашу ведущую Катеньку Смирнову. У нее такая новая стрижка! А ведь она стрижется у Птицына.

– Ты хочешь, чтобы я выглядела как телеведущая Смирнова?

– А почему бы и нет? На дворе – весна, скоро ты будешь ходить без головного убора. Тебе просто необходимо привести в порядок голову, сделать какую-нибудь ультрамодную прическу. Ты – молодая интересная женщина, тебе надо подумать о молодом человеке...

– Так, дедуль, все понятно. Предложение не прошло. Еще идеи есть?

Ариша вздохнул. Дед, конечно, был изрядно озабочен моим холостяцким положением и имел обыкновение время от времени напоминать мне о необходимости в моем возрасте уже иметь семью или по меньшей мере кавалера. Он даже пытался знакомить меня с какими-то молодыми людьми. Я каждый раз отговаривалась под разным предлогами. Не потому, что я была такой уж ханжой или убежденной феминисткой, просто все молодые люди нашего города мне ни капельки не нравились. Возможно, мои требования к ним были слишком завышены.

На другой день за завтраком дед поздравил меня с женским праздником и положил передо мной маленькую синюю коробочку.

– Полетт, это тебе! – торжественно объявил он.

Я открыла коробочку. Внутри лежал серебряный кулон в виде сердечка. На нем были выгравированы веточки и листочки.

– Спасибо, дедуля!

Я чмокнула деда в щеку, потом сбегала в свою комнату и принесла серебряную цепочку. Я нацепила на нее кулон, потом надела цепочку на шею.

– Красиво! Изящно. Носи это почаще и будь более женственной, – с чувством сказал дедуля.

Я пообещала носить украшение почаще, хотя в душе понимала, что сделать это мне будет довольно-таки проблематично: я не была любительницей всяких побрякушек-безделушек. За это меня ругала и моя подруга Алина. Она считала, что женщина всегда должна быть неотразимой, а для этого следует использовать все подручные средства. К таковым она относилась и украшения.

После завтрака я отправилась к магазину на Юннатов. Поставив машину в достаточной близости от него, я включила прослушку, но из нее не доносилось ни звука. Неужели Али-

на так и не установила «жучок»?

Я просидела в машине до вечера, пока не поняла, что этот день прошел впустую.

В девятнадцать ноль-ноль на двери магазина появилась табличка «Закрыто», а вскоре из нее вышла Алина и медленно заковыляла по улице. Я подъехала к ней и распахнула дверцу машины:

– Падай, доблестный труженик прилавка!

Алина практически рухнула на сиденье, и мы отправилась в кафе.

– Сейчас я накормлю тебя, а заодно отметим наш женский праздник, – сказала я.

– Ой, Полин, ты не представляешь, как я устала! – простонала Нечаева.

– Что, совсем загоняли тебя хозяева-эксплуататоры?

– Совсем! Весь день на ногах. Анатолия Викторовича сегодня не было, мы с Аленой одни управлялись. Я ни разу даже не присела.

– Так вы что, и без обеда работаете?

– Какой обед?! Ну, отпустила меня Алена один раз минут на пятнадцать чайку попить в подсобке.

– Ты там «жучок» поставила?

– А то как же! Под крышку стола, как ты и просила. Только там никто сегодня не разговаривал. Директора не было, а мы весь день в зале...

– То-то, я смотрю, весь день – тишина. Ничего, завтра нач-

нутся разговоры.

– А куда мы, кстати, едем, Полин?

– Кстати, сегодня наш праздник, и мы с тобой едем в кафе отметить его.

Мы нашли более или менее приличное кафе, заказали себе всяких вкусностей, салаты, пиццу, пирожные и сели пировать.

– Рассказывай, как там в магазине обстоят дела, – попросила я подругу.

– Как дела? Обыкновенно. Народ есть, дела идут, деньги в кассу текут. И хорошие деньги, скажу я тебе! Сегодня вот тысяч пятьдесят сделали.

– Сегодня праздничный день. Завтра у вас народу будет поменьше.

– Откуда ты знаешь? И Алена так сказала.

– Удивительно! Неужели женщины так любят побрякушки, что даже в кризис не жалеют на них денег?

– Полин, если лично ты считаешь, что побрякушки, как ты выразилась, женщине носить необязательно, то это вовсе не значит, что и все прочие придерживаются того же мнения... Ой, подожди, а что это?

Алина заметила кулон, подаренный утром дедом.

– Ариша презентовал, в честь Восьмого марта.

– Какая прелесть! Серебро? Классная штучка. Стильная. Носи его обязательно! И вообще, серебро – твой металл.

Я пообещала и подруге – носить кулон.

– Значит, ничего такого особенного тебе узнать не удалось?

– Ну, во-первых, мы с Аленой еще не очень близко подружились. Все времени нет, покупатели идут и идут... Но кое-что интересное я уже заметила. Алена – очень жадная.

– И в чем это выражается?

– Она самым тщательным образом пересчитывает вечером деньги, сверяя кассу, а если не хватает хоть какой-то мелочи, так сокрушается! Вот сегодня у нас недостача – восемь рублей. Казалось бы – такая мелочь для магазина, а она так расстроилась! Я у нее попросила аванс – всего тысячу рублей! Представь, не дала! Говорит, немного погодя, дня через два-три... А у меня в кошельке – сотка! Как мне два-три дня с ней прожить?

– Так, может, дать тебе займы до полочки?

– Нет, Полин, не надо. Не люблю занимать: берешь чужие на время, а отдаешь свои, и навсегда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.